

“Я ВИДЕЛ, КАК УМИРАЕТ МОЙ ГОРОД”

**ГОЛОСА С ЛИНИИ ФРОНТА:
КОНФЛИКТЫ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ
В ИРАКЕ, ЙЕМЕНЕ И СИРИИ**

**В ЭТОМ СПЕЦИАЛЬНОМ ДОКЛАДЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА
(МККК) ИССЛЕДУЮТСЯ КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ГОРОДСКИХ
УСЛОВИЯХ ДЛЯ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ В ТРЕХ СТРАНАХ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА.**

Я видел, как умирает мой город, как
погибает мой народ. Сам я сломался.
Не знаю, оправлюсь ли я когда-
нибудь, но я этого хочу.

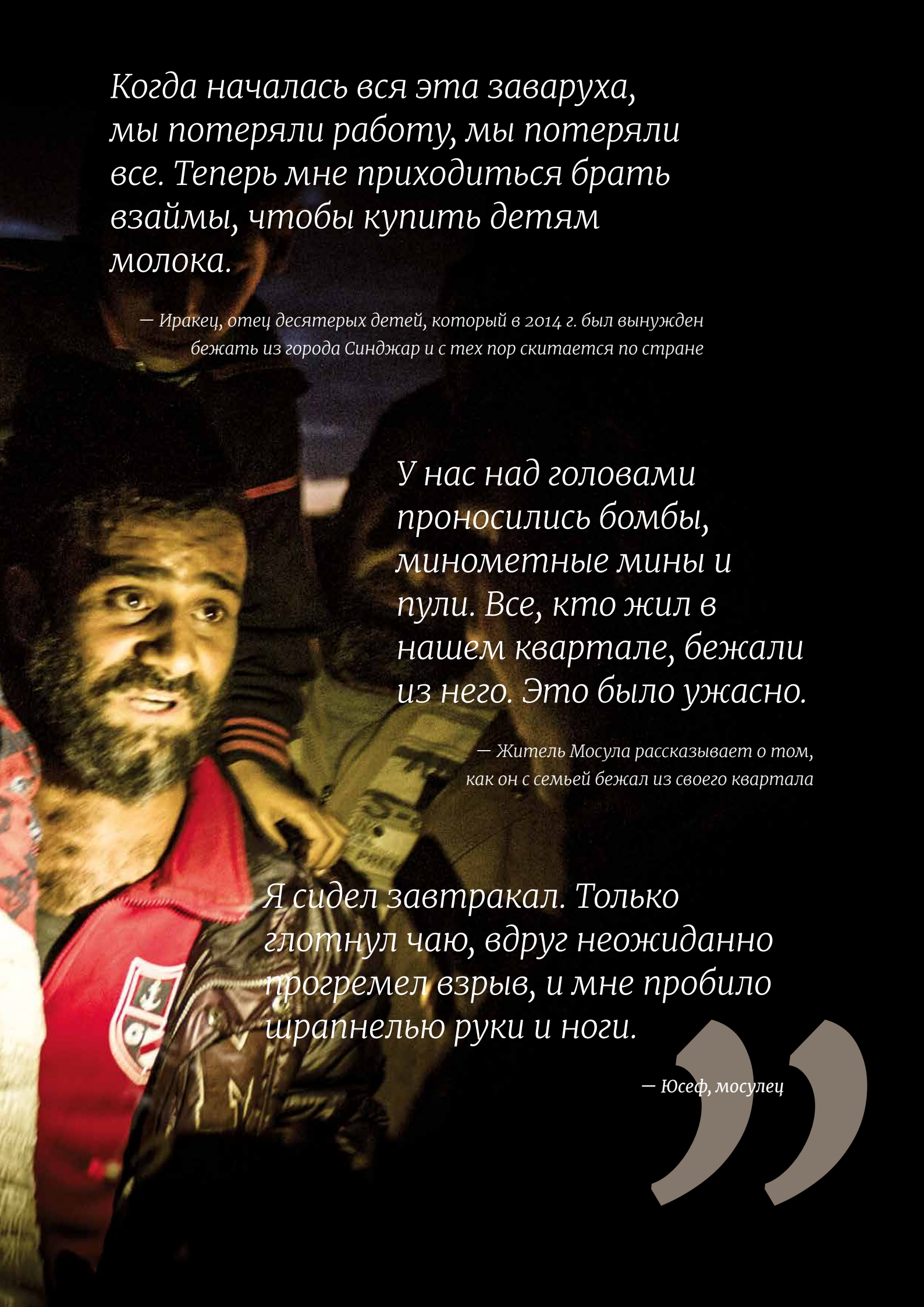
— Сами, 27 лет, бежал из Алеппо в Дамаск, а потом в Бейрут

Один командир сказал мне, что
иногда бои становятся настолько
ожесточенными, что он из
кухни стреляет по противнику,
засевшему в гостиной, а наверху —
гражданские лица, дети.

— Джошуа Бейкер, режиссер и продюсер “Битвы за Мосул” —
документального фильма PBS и “Гардиан”

Люди ищут еду среди мусора,
потому что больше есть
нечего. Мы видели, как женщины
варят листья деревьев, чтобы
покормить детей хоть
каким-то горячим супом.

— Нэнси Хамад, глава отделения делегации МККК
в Таузе, Йемен

Когда началась вся эта заваруха,
мы потеряли работу, мы потеряли
все. Теперь мне приходится брать
в займы, чтобы купить детям
молока.

— Иракец, отец десятирех детей, который в 2014 г. был вынужден
бежать из города Синджар и с тех пор скитается по стране

У нас над головами
проносились бомбы,
минометные мины и
пули. Все, кто жил в
нашем квартале, бежали
из него. Это было ужасно.

— Житель Мосула рассказывает о том,
как он с семьей бежал из своего квартала

Я сидел завтракал. Только
глотнул чаю, вдруг неожиданно
прогремел взрыв, и мне пробило
шрапнелью руки и ноги.

— Юсеф, мосулец

ПРЕДИСЛОВИЕ

Война вернулась в города. Этот новый доклад МККК наглядно показывает, что мы становимся свидетелями глубоких изменений в истории вооруженных конфликтов, в результате которых города оказываются затянутыми в водоворот войны на многие годы. Правительственные силы и негосударственные вооруженные группы ведут бои за каждую улицу с применением авиации, артиллерии, высокоточного оружия, атак пехотных подразделений, терактов с участием смертников и самодельных взрывных устройств (СВУ). А гражданское население оказывается в гуще боев.

С древних времен взятие городов приступом и их разграбление имело ужасающие последствия для их жителей. В прошлом, если командующий обороняющимися силами отказывался принимать условия капитуляции, гражданскому населению грозили ограбление, изнасилования, смерть, увечья и обращение в рабство. Многие предпочитали покончить жизнь самоубийством.

Однако на протяжении большей части XIX и в начале XX столетия казалось, что традиционные осады и бои в городах ушли в прошлое. Генералы явно предпочитали демонстрировать «искусство войны» на открытых пространствах. Они опасались, что, если их войска будут вести боевые действия в городе, это приведет к дезертирству, упадку дисциплины и пьянству. Применявшаяся тогда тактика и обучение личного состава почти не оставляли нижним чинам возможности проявлять инициативу, поэтому они в любом случае были плохо подготовлены к войне в городских условиях.

В начале XIX века большинство призывников были родом из деревни, редко кто из них бывал в большом городе. К 1914 г. значительную часть «одноразовых сынов» (выражение, придуманное американским исследователем Эдвардом Люттваком) уже предоставляло быстро растущее население европейских столиц, которое резко увеличилось в результате внутренней миграции в конце XIX столетия. Однако интересной особенностью Первой мировой войны было то, как редко еще в ней боевые действия велись в городах. Первым масштабным примером такого рода в современную эпоху стала Нанкинская резня 1937 г., во время которой совершались немыслимые злодеяния. Японская императорская армия инстинктивно применяла политику устрашения, чтобы компенсировать свою относительно численную слабость, однако китайское сопротивление не было сломлено.

В начале Второй мировой войны, в 1939 и 1940 гг. города, например Варшава и Роттердам, подвергались бомбардировкам, нередко варварским. Но на западноевропейском театре военных действий города объявлялись открытыми и сдавались противнику. 11 июня 1940 г. в замке Шато-дю-Мюге Уинстон Черчилль призвал французский генеральный штаб оборонять Париж, сражаясь за каждый дом. Генерал Вейган и маршал Петен, который ранее был послом в Испании и знал, что такое революционные уличные бои, восприняли эту идею с ужасом.

Во время Второй мировой войны, знаменитой так называемым блицкригом вермахта, маневренная война в конечном счете увязла в городах: в Севастополе, Воронеже, а затем в Сталинграде — несмотря на то, что Гитлер не хотел, чтобы его армии вели военные действия в городских условиях. В Сталинграде, где Красная Армия переломила ход войны, шли беспощадные бои. Из приблизительно 10 000 гражданских лиц, выживших несмотря

ни на что среди развалин, тысячу составляли сироты. Сотрудница гуманитарной организации, видевшая их непосредственно после битвы, сообщала, что они были или совсем одичавшими, или впавшими в кататонию.

Когда Гитлер начал проигрывать войну, он из соображений престижа отказался сдавать города. Видя, что Красная Армия и войска союзных держав подошли к границам Рейха, он приказал превратить каждый город в «фестунг» (крепость) — особенно это касалось Кёнигсберга, Бреслау и Берлина. Происходившее с гражданским населением, которое оставалось в этих городах в ходе штурма, было похоже на возврат в темные века.

Битва за Берлин стала последним в Европе грандиозным сражением в городских условиях между двумя армиями, которые состояли из военнослужащих, набранных по призыву. В 1945 г. Германия и Япония были раздавлены после долгой войны. В результате бомбардировок с воздуха и действий сухопутных войск государств антифашистской коалиции их города были разрушены настолько, что раньше ничего подобного невозможно было и представить. За несколько лет изнурительного труда, голода и нервного истощения и гражданские лица, и военнослужащие были доведены до состояния зомби. Число беспризорных детей, бродивших по дорогам Европы, оценивается в 12 миллионов, а перемещенных лиц было еще больше. Миллионам городских жителей в Европе, Азии и Советском Союзе пришлось испытать голод, нищету, бездомность, болезни, смерть близких и разлуку с родными.

Сегодня гражданское население городов снова затягивает водоворот войны. Горожане оказываются в ловушке, они получают ранения, голодают, бедствуют, их берут в заложники, используют как живой щит, нередко не дают бежать. Жизненно важные городские службы, такие как водо- и электроснабжение, здравоохранение, образование терпят ущерб, не могут нормально функционировать, а иногда подвергаются преднамеренным нападениям. Снова применяется древняя стратегия осады. Туннели, мины-ловушки и снайперы противостоят беспилотникам и кибервойне в рамках новой формы затяжного конфликта в городе, которая, похоже, станет привычной реальностью на много лет.

Эти новые войны в городских условиях могут годами не приводить ни к какому конкретному результату. При этом вооруженные группы сейчас предпочитают скрываться в городах, а не в лесах, и партизанская война принимает всё более выраженный городской характер. Победа ускользает от каждой из сторон, и городской конфликт надолго становится частью жизни миллионов людей.

Мы подошли к еще одной поворотной точке в истории войны, которую так точно описывают мирные жители в этом докладе. Как уже показывают военные действия в Ираке, Сирии, Йемене и Ливии, в будущем основные поля сражений будут находиться не на открытой местности. Они будут в городах.

— Сэр Энтони Бивор,
военный историк, автор книг «Сталинград» и «Падение Берлина. 1945 год»

1	СПАСТИ НАШИ ГОРОДА: НАСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПРИЗЫВ Вводная информация о современных конфликтах в городских условиях, происходящих в Ираке, Сирии и Йемене. Роберт Мардини, глава управления МККК по оперативной деятельности на Ближнем Востоке. С. 11	2	ДЕСЯТЬ РЕКОМЕНДАЦИЙ касательно срочных мер для предотвращения или смягчения страданий людей, вызываемых войнами в городских условиях. С. 18–19	3	“МОЙ СЫН ЗАДОХНУЛСЯ” История из Алеппо, второго по величине города Сирии. С. 20 Рассказ Ясира “Дом обрушился. У него не было шансов”. С. 21
---	--	---	--	---	--

© МККК 2017 Границы, названия и обозначения, упомянутые в настоящем докладе, не подразумевают официального одобрения или выражения политического мнения со стороны МККК, и мы не затрагиваем требования суверенитета упомянутых территорий.

4

“ВОСПОМИНАНИЯ О ГОРОДЕ, ГДЕ КОГДА-ТО КИПЕЛА ЖИЗНЬ”

Рассказ о Таизе, бывшей культурной столице Йемена.

С. 26

Рассказ Ханан

“В тот день моя жизнь кончилась”.

С. 29

7

“САМ Я СЛОМАЛСЯ”

Продолжительные боевые действия в городах способны нанести серьезные и долго не заживающие душевные раны.

С. 60

5

“КУДА НИ ГЛЯНЬ, ВСЮДУ КТО-ТО ПЫТАЛСЯ ТЕБЯ УБИТЬ”

Рассказ из Мосула, второго по величине города Ирака.

С. 30

Рассказ Мухаммада

“Добрые люди пустили нас пожить, хотя сами жили трудно и небогато”.

С. 36

8

“НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ, НО ПОПЫТАЮСЬ ПРОСТИТЬ”

Из гражданской войны в Ливане, в ходе которой значительная часть боевых действий велась в городах, можно извлечь много уроков относительно последствий конфликта для густонаселенных городских районов с очень пестрым по своему составу населением. Главный вывод: необходимо восстановить не только дома, но и очень многое другое, чтобы местная жизнь вернулась в прежнее русло.

С. 64

“Почему бы мне было не взять в руки оружие, чтобы защитить своих родных?”

Бывший участник боевых действий рассказывает о своем опыте войны и примирения.

С. 71

6

СОВОКУПНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙН В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

“Мы жили в подвалах”

Отрезанные от внешнего мира люди цепляются за жизнь.

С. 40

Рассказ Аммара и Раним

Бегство из охваченного войной города и возвращение домой.

С. 44

“Если бы мы остались, нас уже не было бы в живых”

Бегство из города, в город или внутри города в условиях войны. Забытые жертвы войны: перемещенные лица в городах.

С. 46

“Наша цель — обеспечить водой всех”

Война в городах и вокруг них подрывает работу систем, необходимых для выживания городских жителей.

С. 50

Ударные волны

Катастрофические последствия применения в городах оружия взрывного действия.

С. 54

Химическое оружие

Хотя использование химического оружия категорически запрещено, сообщения о его применении по-прежнему поступают слишком часто.

С. 56

Смертельное наследие

Неразорвавшиеся боеприпасы уносят жизни и после окончания боев.

С. 58

Двое детей играют в изрешеченной пулями машине в Таизе (Йемен). Декабрь 2016 г.

ВВЕДЕНИЕ

СПАСТИ НАШИ ГОРОДА: НАСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПРИЗЫВ

Роберт Мардини, глава управления МККК
по оперативной деятельности на Ближнем Востоке

Мать маленького ребенка осталась вдовой: ее муж отправился на поиски пропитания для семьи и погиб от пули снайпера.

На глазах у отца четверых детей погибли его жена и грудной ребенок, когда во дворе их дома взорвалась неуправляемая ракета. Командир рассказывает, как его люди вели бои за здания, в которых прятались мирные жители.

Вот лишь несколько примеров из жизни, иллюстрирующих реалии войны в городских условиях в наши дни. Они составляют основное содержание этого специального доклада МККК, в котором исследуется совокупность долгосрочных последствий конфликта в городах Ближнего Востока с точки зрения людей, испытывающих эти последствия на себе.

Обычные люди, испытывающие невыносимые трудности, — помощник зубного врача, тренер, мебельщик, студент, ставший членом вооруженной группы, и другие — помогают нам понять одну из главных проблем нашего времени: урбанизацию вооруженного конфликта. Их слова наряду с наблюдениями офицеров, инженеров-гидротехников, гуманитарных работников, делегатов МККК, политологов и историков дают нам некоторое представление о тех ужасах, которые ежедневно несет война в городе живущим там людям.

В выпусках новостей мы видим Алеппо, Хомс, Мосул, Эль-Фаллуджу, Рамади, Таиз. Каждый из этих городов может рассказать нам что-то очень важное. Сирийский город Алеппо был центром учености, музыки и торговли более тысячи лет, до войны он был сердцем экономики страны. Теперь его исторический центр в значительной степени разрушен, население сократилось, его интеллектуальная, культурная и экономическая жизнь замерла. Названием доклада стали слова молодого музыканта: «Я видел, как умирает мой город» — так он описал то, что случилось с его любимым родным городом. Он бежал оттуда из-за постоянных бомбежек, а также из-за бесконечных арестов и издевательств, которым его подвергали воюющие, принадлежавшие ко всем сторонам в конфликте.

Иракский город Мосул когда-то славился веротерпимостью, здесь жили бок о бок представители разных религий и культур. Таиз, расположенный на юго-западе Йемена, до 15-месячной осады¹ был центром промышленности, кофейного производства и учености. Жизнь людей в этих городах разрушена — или продолжает разрушаться сейчас — в результате вооруженных столкновений, часто происходящих на улицах, перед их жилищами и предприятиями.

Жители многих других городов Ирака, Йемена и Сирии могут рассказать похожие истории.

К концу 2015 г. в иракском городе Рамади было разрушено 80% зданий.

НОВЫЙ УРОВЕНЬ СТРАДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ

Около половины всех случаев гибели или ранения, связанных с вооруженными конфликтами в период с 2010 по 2015 гг., имели место в Ираке, Йемене и Сирии², где происходили ожесточенные боевые действия в городах. Хотя войну в городских условиях и приносимые ею страдания нельзя назвать чем-то новым, те вооруженные столкновения, которые мы видим в городах, стали слишком обычными и чрезмерно разрушительными. Они порождают глубокие обиды, которые в свою очередь могут привести к повторным циклам насилия. При этом потери среди гражданского населения очень велики: по некоторым данным, при применении оружия взрывного действия в населенных районах 92% погибших и раненых — гражданские лица, тогда как при его применении в других районах гражданские лица составляют 34% погибших и раненых³.

Почему жертв так много? Одна из главных причин — общее несоблюдение международного гуманитарного права (МГП), известного также под названием “право вооруженных конфликтов”. Эта отрасль права защищает тех, кто не принимает или

перестал принимать участие в военных действиях, и ограничивает выбор средств и методов ведения войны. Она, по сути, стремится ограничить последствия вооруженного конфликта и сохранить какую-то степень гуманности на войне. Но это право сегодня нарушается. Гражданские лица и гражданские здания, такие как больницы и школы, становятся объектами нападений. Обычные люди оказываются запертыми в осажденных городах и районах. Не проявляется постоянной заботы о том, чтобы защитить гражданское население. И это приводит к ужасающим последствиям.

Еще одна причина — выбор оружия и то, как оно применяется в густонаселенных районах. Хотя массированные ковровые бомбардировки, применявшиеся в некоторых конфликтах XX века, в XXI столетии стали более редкими, бомбардировки с воздуха и обстрелы гражданских районов тяжелой артиллерией остаются стандартной практикой современной войны.

Кроме того, по многим причинам политических решений для современных конфликтов в городских условиях не находится, в результате чего люди становятся

жертвами непрекращающегося насилия, снова и снова на протяжении многих лет.

Конфликты в городах, ведущиеся сегодня на Ближнем Востоке, характеризуются также большим количеством участвующих в них вооруженных сил и группировок и тем, что они получают поддержку от множества государств. Это мешает усилиям по построению мира и по оказанию помощи населению.

В то же время, снова начала применяться одна из древних форм ведения войны — осада. Вооруженные силы и группы, не желая рисковать жизнью своего личного состава в густонаселенных районах, прибегают сегодня к осаде. Как осажденные, так и осаждающие подвергают опасности жизнь, благополучие и человеческое достоинство мирных жителей. Гражданские лица испытывают тяжелейшие лишения, некоторые пережили осаду более долгую, чем блокада Ленинграда или Сараево. Поэтому осада в том виде, в каком она применяется сегодня на Ближнем Востоке, является мерой чрезмерной и часто незаконной.

Наконец, так много людей погибает, потому что раненые и больные нередко не могут получить необходимую медицинскую помощь. Больницы подвергаются нападениям, и многие из них вследствие нехватки персонала, материалов и медикаментов не могут нормально функционировать и тем более справляться с массовым наплывом пациентов.

“Я все еще мысленно вижу своего внука под обломками. Мы смогли его вытащить. Он был еще жив. Но поблизости не было ни медпункта, ни больницы, и через час он скончался”.

Абдулрахман стоит у развалин дома, где в начале декабря 2016 г. погибло четверо членов его семьи. Абдулрахман ухаживал за 260 пожилыми и социально незащищенными людьми в восточном Алеппо, когда боевые действия активизировались и жители оказались в тисках между линиями фронта. Его близкие погибли за два дня до того, как Сирийский Арабский Красный Полумесяц и МККК получили доступ в этот район и смогли эвакуировать больных, стариков и других мирных жителей.

ИСХОД ИЗ ГОРОДОВ

Неудивительно, что миллионы людей бежали из городов, где они жили. По некоторым оценкам, на конец 2015 г. в результате конфликта или преследований из родных мест бежало приблизительно 65 миллионов человек⁴. Большинство остаются в пределах своих государств; там потребность в гуманитарной помощи особенно велика. Согласно недавно проведенным оценкам, приблизительно четверть из них стали перемещенными лицами из-за продолжающихся конфликтов в Сирии, Ираке и Йемене⁵, а шестая часть — из-за одного только сирийского конфликта. Более шести миллионов сирийцев живут у родственников, в импровизированных убежищах или в принимающих сообществах в самой Сирии, а более пяти миллионов покинули страну⁶. В Йемене⁷ и в Ираке⁸ более восьми процентов населения остаются в положении перемещенных лиц.

A. Qusay/CRC

Жители Мосула спасаются от боев, направляясь через курдскую деревню Годжали в лагерь для перемещенных лиц Эль-Хазар. Ноябрь 2016 г.

НЕВИДИМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Катастрофические последствия нападений в городских условиях — одна из причин того, что у многих горожан не остается выбора: они вынуждены бежать из своих домов и городов. Если бомба повредит водопроводную или канализационную магистраль, тысячи людей могут остаться без доступа к чистой воде, что, в свою очередь, ведет к санитарно-гигиеническим проблемам и порождает серьезный риск распространения инфекционных заболеваний. Если бомбардировке подвергнется больница, последствия не ограничатся трагической гибелью медицинских работников и разрушением лечебного учреждения. Со временем тысячи людей могут умереть от излечимых болезней, в том числе заразных, так как не будет ни больницы, ни врачей, которые могли бы им помочь.

Тем временем, люди, круглые сутки живущие в условиях непрекращающихся бомбардировок и военных действий, постоянно находятся в состоянии страха, шока и горя. Это может приводить к травматическому стрессу, в результате чего им бывает

чрезвычайно трудно вернуться к нормальной жизни, удержаться на работе или вырваться из циклов насилия.

Кроме того, существует долгосрочная задача восстановления разрушенного, которая осложняется не только полным уничтожением инфраструктуры, но и тем, что в развалинах скрываются миллионы неразорвавшихся снарядов и других боеприпасов.

Возможно, самые страшные последствия войны в городских условиях невозможно измерить. Война лишает детей образования и отнимает у них детство. У целых поколений нет надежды на будущее. Жизнь целых сообществ отравляют психологические травмы, недоверие и ненависть. Уезжают квалифицированные работники. Множество молодых людей затягивает водоворот насилия.

Вот какова реальность конфликта в городских условиях, и вот почему многие вынуждены бежать из мест постоянного проживания.

Национальная больница в Алеппо после обстрела. Январь 2017 г.

T. Glass/ICRC

Сана (Йемен). В ходе боев в районе Фадж-Аттан этот юноша получил множественные переломы лицевых костей черепа. Апрель 2015 г.

“Слишком многое можно потерять, и столь многое можно выиграть. Но нам надо действовать сейчас, решительно и гуманно, чтобы когда-нибудь люди – такие как молодой музыкант из Алеппо – могли сказать: “Я видел, как мой город возродился”.

СЛИШКОМ ВЫСОКАЯ ЦЕНА

О чем говорят истории, рассказанные людьми, живущими в условиях войны в городе? О том, что гуманитарные последствия войны слишком тяжелы. Все, кто принимает военное или политическое участие в этих чудовищных затяжных конфликтах, должны учитывать потенциальный ущерб, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, и немедленно принимать меры для его ликвидации или уменьшения.

Прежде всего, они должны более упорно работать, чтобы найти политическое решение своих разногласий. Помимо этого, воюющие стороны должны осознать воздействие, оказываемое вооруженными столкновениями на людей, которыми они рассчитывают править. Иначе, что им останется контролировать, после того как люди столько потеряют и перенесут такие жестокие страдания, а инфраструктура, необходимая для их выживания, будет сильно повреждена или разрушена? Смогут ли победители сохранить мир, если люди видели, что они не уважали ни закон, ни элементарное человеческое достоинство местных жителей?

Благодаря внешней поддержке, количество вооруженных групп многократно умножается, что усугубляет последствия конфликта и делает надежду на мирное урегулирование еще более зыбкой. Государства, поддерживающие стороны в вооруженном конфликте — как государственные силы, так и негосударственные вооруженные группы, — должны использовать свое влияние на благо жертв вооруженного конфликта. Они не должны поощрять нарушения МПП или содействовать таким нарушениям, напротив, они должны в разумных пределах делать все возможное, чтобы обеспечить соблюдение МПП.

Необходимо также извлечь уроки из прошлого и немедленно принять меры для восстановления нормальных условий жизни в городах, обеспечивая стабильный доступ к образованию и поддержку перемещенному населению, а также прилагая всесторонние усилия по достижению примирения. Это лишь некоторые меры, принять которые мы призываем (основываясь на том, что рассказали люди, с которыми беседовали представители МККК) в рекомендациях, содержащихся в этом докладе. См. с. 18–19.

Если будут предприняты решительные и согласованные действия, города можно будет поднять из руин, их население сможет возвратиться, и районы, разрушенные до основания, смогут быстрее вернуться к жизни.

Таиз, например, снова будет славиться неповторимой архитектурой и изысканными сортами ароматного кофе, а не грудями зловонного мусора на улицах. Мосул, где идут жестокие уличные бои, может опять превратиться в процветающий региональный центр образования, медицины и нефтедобычи. А Алеппо, возможно, вновь станет знаменит своей кухней и прекрасной музыкой, а не грохотом взрывов и рушащихся зданий.

Слишком многое можно потерять и столь многое можно выиграть. Но нам надо действовать сейчас, решительно и гуманно, чтобы когда-нибудь люди — такие как молодой музыкант из Алеппо — могли сказать: “Я видел, как мой город возродился”.

СМЯГЧЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ

Сегодня невозможно игнорировать размах и масштабы конфликтов в городах: необходимо, чтобы все — воюющие стороны и поддерживающие их государства, международное сообщество, гуманитарные работники, доноры и простые люди во всем мире — со всей решимостью взялись за исправление создавшегося положения, как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе.

Во всех вооруженных конфликтах, где бы они ни происходили — в городах или вне городов, действия сторон регулируются международным гуманитарным правом (МГП). МГП возлагает на стороны обязанность проводить во всякое время различие между военными объектами, с одной стороны, и гражданскими лицами и объектами, с другой. Оно запрещает химическое оружие и нанесение ударов по гражданским лицам и больницам. Оно требует, чтобы стороны обеспечивали гуманное обращение с лицами, лишенными свободы, и уважали их

человеческое достоинство, чтобы они разыскивали, подбирали и эвакуировали раненых и больных, должным образом обращались с останками умерших, принимали все возможные меры для выяснения участи пропавших без вести, а также возлагает на них многие другие обязательства.

Строгое соблюдение МГП является первым шагом к улучшению положения жертв вооруженных конфликтов. Особенно необходимо срочно принять меры по десяти направлениям, перечисленным ниже. Цель этих рекомендаций — ограничить последствия ведения войны в городских условиях на Ближнем Востоке путем облегчения страданий, которые оно вызывает, и удовлетворения самых насущных потребностей людей.

МККК НАСТОЯТЕЛЬНО ПРИЗЫВАЕТ:

- 1) **воюющие стороны соблюдать МГП во всякое время; действия противника никогда не могут служить оправданием нарушений этого права;**
- 2) **государства, поддерживающие стороны в вооруженном конфликте, обеспечить соблюдение МГП сторонами, которым они оказывают поддержку; у них есть для этого такие возможности, каких нет больше ни у кого;**
- 3) **воюющие стороны прекратить подвергать гражданское население страданиям, порождаемым осадой, и обеспечивать быстрый, непрерывный и беспрепятственный доступ для гуманитарных работников во все города и городские районы, где нужна помощь, а также давать людям возможность покинуть эти города и районы, если они того пожелают, не подвергая их опасности; тяготы, которые население терпит из-за этих осад, может иметь для него последствия в течение нескольких поколений;**
- 4) **воюющие стороны избегать применения оружия взрывного действия с большим радиусом поражения в густонаселенных районах; его применение не только приводит к жертвам и разрушениям, но и оказывает долгосрочное воздействие на городскую инфраструктуру и службы, что крайне опасно для здоровья людей и ставит под вопрос их выживание;**
- 5) **воюющие стороны бережно относиться к сложным системам жизнеобеспечения города и защищать их; сложные, взаимосвязанные си-**

Сотрудник МККК записывает рассказ местного жителя в ходе оценки ущерба, причиненного боевыми действиями в столице Йемена Санае. Апрель 2015 г.

стемы водо- и электроснабжения и канализации, жизненно необходимые для защиты здоровья горожан, часто первыми страдают в результате войны в городских условиях; каждый должен делать все, от него зависящее, чтобы не допустить нанесения ударов по этим системам или нарушения их работы;

- 6) стороны в конфликте и международное сообщество воздерживаться от перемещения населения, не нарушать права перемещенных лиц, находящихся на территории их стран, и удовлетворять их потребности;
- 7) власти и международное сообщество защищать беженцев, спасающихся от этих конфликтов, и оказывать им помощь;
- 8) власти, стороны в конфликте и международное сообщество делать гораздо больше, чтобы обеспечить защиту тех, кто оказывает жизненно важные услуги, и гуманитарных работников;
- 9) власти, гуманитарных работников и международное сообщество делать больше для того, чтобы обеспечить жертвам насилия доступ к надлежащим услугам социально-психологической и психиатрической поддержки;
- 10) власти, гуманитарных работников и международное сообщество помогать восстанавливать сообщества, а не просто инфраструктуру; города состоят из людей, а не из одних только зданий; от того, как будут восстанавливаться города, в огромной степени зависит, удастся ли им залечить раны, нанесенные войной.

“МОЙ СЫН ЗАДОХНУЛСЯ”

История из Алеппо, второго по величине города Сирии: под огнем и в осаде

Алеппо, когда-то самый крупный город Сирии, где жили 2,1 миллиона человек, известен как один из самых древних непрерывно населенных городов мира.

Ясир — житель Алеппо, бывший спортивный тренер, а сейчас — уличный торговец из района Бустан-эль-Каср. Ему за пятьдесят. Для него, как и для других горожан, Алеппо был просто отличным местом для жизни. Это был безопасный город, дела у Ясира шли прекрасно, и они с женой могли спокойно растить пятерых детей.

Но ожесточенный конфликт, продолжающийся вот уже больше четырех лет, изменил все. Плотные населенные кварталы Алеппо подверглись длительным систематическим бомбардировкам с воздуха и артиллерийским обстрелам, которые привели к огромным разрушениям и массовым жертвам. В конечном счете, война не пощадила ни одного из районов города.

Квартал, где жил Ясир, один из нескольких, которые были разрушены почти полностью. Сегодня большинство многоквартирных домов, школ, предприятий, магазинов лежат в развалинах, а некогда оживленные улицы превратились в почти безлюдные тропинки между кучами обломков.

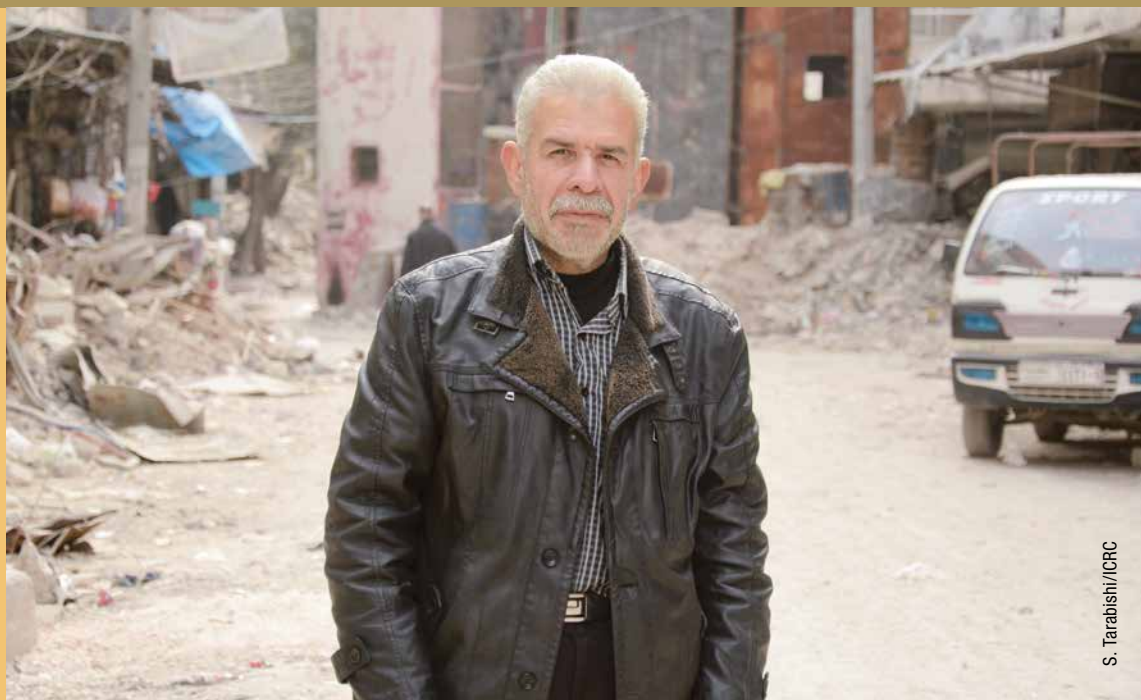
Для Ясира ужасы боев как нельзя более реальны. После того как в его квартале начала действовать вооруженная группа оппозиции, его дом подвергся обстрелу. “Во время обстрела мой сын задохнулся, — говорит Ясир. — Первые три этажа дома обрушились. У него не было шансов”.

S. Tarabishi/CRC

Некогда оживленные улицы района Эль-Джадайда в Алеппо, разрушенные войной.

“Дом обрушился. У него не было шансов”.

РАССКАЗ ЯСИРА

От первого лица

Я никогда не хотел иметь никаких дел с теми, кто участвовал в войне. Я отлично понимал, как будет опасно, если здесь появятся вооруженные люди. Военные позиции возле нашего дома поставят нас под угрозу. И я был прав. Беда нашла нас, когда наш дом обстреляли. Во время обстрела мой сын задохнулся. Первые три этажа дома обрушились. У него не было шансов.

Мы оказались в безвыходном положении. Никому бы не пожелал пережить такие муки.

После смерти сына жена была очень напугана. Мы больше не могли видеться с некоторыми из детей. Один из них уже семь лет как служил в армии, второго сына я отправил учиться в Германию, чтобы обеспечить ему лучшее будущее. Дочь еще в мирное время перенесла две операции — у нее был разрыв связок ноги. Все то время, что шли бои, она не получала никакой медицинской помощи.

Моему младшему сыну не давалась арифметика, он учился в маленькой мечети поблизости. Когда мечеть была разрушена при артобстреле, все надежды сына на хорошее образование пошли прахом.

Когда в рамадан [2016 г.] началась осада восточного Алеппо, стало еще труднее, нас на полгода отрезало от мира. Жизнь замерла. Сын у меня все время был голодный, есть и пить было нечего. Еда страшно подорожала. Питались мы одной чечевицей. Я похудел на 25 кило.

НОВЫЙ УРОВЕНЬ КОНФЛИКТА В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

В рассказе Ясира нет ничего уникального — за последние четыре года многие тысячи таких случаев произошли в различных районах Алеппо. С июля 2012 г. по декабрь 2016 г., когда город был разделен на две части — восточную (под контролем групп вооруженной оппозиции) и западную (под контролем правительства), ожесточенные бои шли почти каждый день, при этом в жилых районах широко применялось мощное оружие взрывного действия.

Во время конфликта кадры с детьми Алеппо все больше ужасали мир: их окровавленные лица на видео с выражением недоумения, потрясения, боли; их безжизненные тела на руках спасателей, извлеченные из-под обломков.

По мере того как насилие становилось все более ожесточенным, гуманитарные работники и специалисты, от которых зависит работа систем жизнеобеспечения, пытались, преодолевая огромные трудности, удовлетворить резко возросшие потребности людей в помощи. А доступ для них в некоторые районы был крайне ограничен. Они говорили о том, что ситуация становится все более критической.

ГУМАННОСТЬ ПОД ОГНЕМ

По мере того как нападения на медицинских и гуманитарных работников во время конфликтов во всем мире происходили все чаще, битва за Алеппо стала ярким примером того, какие опасности грозят медицинским работникам во время конфликта в городских условиях.

МККК и другие гуманитарные организации не раз заявляли, как они встревожены ухудшением гуманитарной ситуации. В Алеппо и других городах продолжали наноситься удары по жизненно важным объектам инфраструктуры, таким как больницы, водопровод, электросети и школы. В 2015 и 2016 гг. в результате ряда нападений на больницы и другие лечебные учреждения погибли врачи и пациенты, а тысячи людей лишились возможности получить остро необходимую им медицинскую помощь.

“Мы стали свидетелями непрерывного наступления на тех, кто оказывает медицинскую помощь во время конфликта, и массовых проявлений неуважения к ним”, — сказали президент МККК Петер Маурер и президент организации “Врачи без границ” (ВБГ) доктор Джоанна Лю в совместно написанной передовице для газеты “Гардиан”⁹.

Сирийский конфликт — один из самых опасных для гуманитарных работников в мире. Он унес жизни 63 сотрудников и добровольцев Сирийского Арабского Красного Полумесяца¹⁰. Все они погибли, выполняя свои обязанности, многие — в таких городах, как Алеппо и Хомс. Много спасателей и работников аварийных служб также было ранено или погибло, когда они пытались восстановить объекты жизнеобеспечения или спасали людей.

Эти нападения на медицинский персонал и лечебные учреждения привлекли внимание к проблеме и побудили Совет Безопасности ООН принять 3 мая 2016 г. резолюцию 2286. Она призывает все воюющие стороны защищать лечебные учреждения и медицинский персонал, как того требуют принципы, уже закрепленные в МГП. Резолюция решительно осуждает акты насилия и угрозы в отношении раненых и больных, медицинского персонала и гуманитарных работников. Что сейчас необходимо, так это политическая воля к претворению этого призыва в жизнь и эффективные действия всех сторон в этом направлении.

ГУМАННОСТЬ В ДЕЙСТВИИ

История Алеппо за последние пять лет — это не только история насилия и жестокости. Несмотря на бушующее вокруг насилие и ежедневный риск, сотрудники и добровольцы Сирийского Арабского Красного Полумесяца, впрочем, как и простые люди и представители других гуманитарных организаций, проявляли невероятную стойкость, человеческое достоинство и мужество, помогая людям выжить во все более мучительных условиях.

Несмотря на все усилия, сотрудникам МККК не удавалось доставить помощь в восточный Алеппо с апреля по декабрь 2016 г., поэтому МККК помогал только на расстоянии: платил за воду, материалы для поддержания санитарии или газ для приготовления пищи в благотворительной столовой, предоставлял средства для оплаты труда работавших там людей.

Остов машины скорой помощи в районе Эль-Каллас в Алеппо. Февраль 2017 г.

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ВОСТОЧНОГО АЛЕППО

В декабре 2016 г. после нескольких недель жестоких боев, во время которых линии фронта сомкнулись вокруг последних очагов сопротивления оппозиции, превратившихся в ловушки для находившихся там гражданских лиц, воюющие стороны пришли к договоренности, которая позволила провести эвакуацию гражданских лиц и участников военных действий из восточного Алеппо. Вооруженные столкновения наконец прекратились 15 декабря. С этого дня по 22 декабря в близлежащие сельские районы было вывезено более 35 000 человек. Среди эвакуированных были сотни больных и раненых. Представители Сирийского Арабского Красного Полумесяца и МККК круглосуточно оставались в восточном Алеппо на всем протяжении этого болезненного процесса, оказывая медицинскую помощь, предоставляя транспорт, предлагая консультации и любую поддержку, какую только могли оказать в трудных условиях среди царившей там неразберихи.

Во время эвакуации сотрудники МККК впервые с апреля 2016 г. смогли попасть в некоторые районы восточного Алеппо.

“Вдоль улиц стояли сожженные автомобили; из близлежащих зданий поднимался дым, — говорит глава делегации МККК в Сирии Марианна Гассер, которая находилась на месте событий в течение последних недель, пока продолжалось насилие, и в ходе всей эвакуации. — Было страшно и непонятно, что будет дальше. Когда мы прибыли на место, нас ждало душераздирающее зрелище. Перед людьми стоял невозможный выбор. Мы видели в их глазах глубокую печаль”.

Температура упала ниже нуля, и люди в ожидании отъезда жгли все, что могли найти, включая одеяла и одежду, чтобы согреться самим и согреть своих детей. “Лишь очень немногие семьи решили остаться, — поясняет Марианна Гассер. — Однако у большинства практически не было выбора, и они решили, что в этих условиях лучше уехать: их дома превратились в груды обломков, еды почти не осталось, водопровод не работал, не было электричества. Не говоря уже о насилии, так долго творившемся у них на глазах. Никому не под силу терпеть такие страдания”.

Сотрудники МККК и Сирийского Арабского Красного Полумесяца оценивают потенциальные условия жизни в районе Масакен-Ханано восточного Алеппо на случай, если жители захотят туда вернуться. Конец ноября 2016 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Хотя кто-то уже заговорил о “постконфликтном Алеппо”, поблизости от города вооруженные столкновения продолжают. Прежде чем можно будет вести речь о восстановлении, необходимо удовлетворить огромную и острую потребность горожан в гуманитарной помощи. С тех пор как прекратилось насилие, домой, по оценкам, вернулось 140 000 человек. Еще тысячи пока не могут вернуться, отчасти из-за серьезного ущерба, причиненного их жилищам. Это верно и в отношении других городов, где насилие стихло раньше, таких как Хомс. Что особенно важно, так это то, чтобы всем перемещенным гражданским лицам как из Алеппо, так и из других городов и деревень, позволили и помогли вернуться,

не подвергая себя опасности, в родные места, в свои дома, если и когда они этого захотят¹¹. См.: Совокупные последствия: Перемещенные лица в городах, с. 46.

Несмотря на то, что Алеппо несколько лет был разделен, его части всегда зависели друг от друга, и люди перемещались из одной части в другую, пока это было возможно. У людей были родственники в разных районах, и многие в разгар насилия бежали в другие кварталы или совсем покинули город. Весь город охвачен чувством боли и утраты, разрушения огромны, и неразорвавшиеся снаряды и другие боеприпасы все еще представляют собой значительную опасность.

“Я не могу уехать. Только оставшись в городе, я смогу сохранить свое достоинство”.

“Алеппо был раем, у нас было все. А потом — раз, и у нас ничего не осталось. У меня никогда и в мыслях не было уезжать. Но я не осуждаю тех, кто уехал: а что еще им было делать? Раньше в Алеппо было безопасно. И вдруг мирный город стал смертельно опасным. Я так думаю, из нашего квартала процентов сорок уехало, не меньше”.

Мухаммад, 48 лет, отец пятерых детей, зарабатывает на жизнь тем, что делает мебель в маленькой мастерской в алеппском квартале Эль-Машарика, который находился на линии фронта между правительственными и оппозиционными силами в восточном Алеппо на всем протяжении военных действий.

“ВОСПОМИНАНИЯ О ГОРОДЕ, ГДЕ КОГДА-ТО КИПЕЛА ЖИЗНЬ”

Древний город в водовороте забытого конфликта

Расположенный на юго-западе Йемена, в часе езды от Красного моря древний горный город Таиз был когда-то важнейшим центром промышленности и производства кофе в стране, а также ее культурной столицей.

Сегодня часть города лежит в руинах, в том числе множество коричнево-белых кирпичных домов, которыми он славился. На улицах сгоревшие автомобили, обломки зданий.

Жители города — а их более полумиллиона¹² — перенесли большие страдания: артиллерийские обстрелы, снайперский огонь, уличные бои и бомбардировки с воздуха. Хотя считается, что сотни тысяч людей бежали из города¹³, около 200 000 оставались в нем в течение всех 15 месяцев, когда он был почти полностью заблокирован. См.: Совокупные последствия: Города в осаде, с. 40.

Практически патовая ситуация, в которой оказались противоборствующие стороны, привела к тому, что линии фронтов не сдвигались сколько-нибудь значительно на протяжении месяцев. В результате мирные жители оказались заложниками затянувшейся ожесточенной конфронтации.

Хотя осада частично снята, сегодня гуманитарная ситуация в городе остается катастрофической: продовольствия нет, а общественные службы, в том числе здравоохранение и образование, практически полностью перестали функционировать. На когда-то оживленных городских улицах царит страх. См. рассказ Ханан ниже.

Женщины и дети набирают воду из автоцистерны в осажденной части Таиза. Ноябрь 2016 г.

КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ для здравоохранения

Как и в других городах, пострадавших от войны, положение в здравоохранении катастрофическое. В течение одного лишь трехдневного периода в ноябре 2016 г. главные больницы Таиза сообщали, что принимали в среднем 200 раненых в сутки. У многих были взрывные травмы, и им приходилось ампутировать конечности.

Эта огромная потребность в неотложной медицинской помощи возникла именно тогда, когда система здравоохранения в Таизе почти полностью развалилась. Закрыты все государственные медицинские центры, а больницы города, которых всего две, располагают минимальными ресурсами, и численность их персонала сокращается. Оставшиеся сотрудники вынуждены работать сверхурочно в условиях частого отключения электричества и артобстрелов, так как обе больницы находятся в близости от линий фронта.

Поскольку больницы должны в первую очередь оказывать помощь людям с опасными для жизни ранениями, они редко находят время и ресурсы, чтобы заниматься решением таких вопросов, как охрана здоровья матери и ребенка, профилактика и лечение хронических заболеваний органов дыхания,

плановая вакцинация и мониторинг инфекционных заболеваний. Полевые госпитали вооруженных групп также основное внимание уделяют раненым.

Стандартные услуги скорой помощи практически не оказываются, вооруженные столкновения нередко мешают медицинским и гуманитарным работникам получить доступ к раненым. Любой срочный выезд на места требует многочисленных переговоров по телефону и на блокпостах в городе. Такие переговоры отнимают время и ставят под угрозу жизни людей.

Все это осложняется все более отчаянным положением в области здравоохранения по стране в целом: свыше 160 лечебных учреждений с 2015 г. подверглись нападениям¹⁴, а сотни других были вынуждены прекратить работу из-за нехватки топлива и материалов, и сегодня работает только 45% из них¹⁵. Дефицит жизненно важных импортных медикаментов и медицинских материалов (сейчас в Йемен ввозится менее 30% от их необходимого количества) и задержки выплаты зарплаты медицинским работникам и тем, кто обеспечивает функционирование систем жизнеобеспечения, еще больше усугубляют ситуацию.

Пожилой мужчина осматривает руины, в которые в результате столкновений превратился район, где он жил. Декабрь 2016 г.

К. Al-Saeed/ICRC

“В тот
день моя
жизнь
кончилась”.

— Ханан, потерявшая
мужа жительница Тауза,
держит на руках свою
малолетнюю дочь

РАССКАЗ ОДНОЙ ВДОВЫ

От первого лица

Мой муж не воевал. Он и оружие-то держать не умел. У него была собственная зубная клиника, я там работала секретаршей. У нас только-только родилась дочь. Мы были очень счастливы, пока в город не пришла война. Тогда изменилось все.

Мы не хотели уезжать из города, где прошла вся наша жизнь, и решили остаться в своем доме — клиника мужа была там же, — несмотря на ожесточенные столкновения и артобстрелы, которые велись наугад.

Все наши соседи уехали, ведь все вокруг рушилось, много народу поубивало; нам было очень страшно и одиноко.

Когда начиналась стрельба, я крепко обнимала дочь и бежала с ней в соседнюю комнату, где было потише.

В один такой тяжелый день муж пошел купить кое-что для дома. На обратном пути его застрелил снайпер с крыши соседнего дома.

В тот день моя жизнь кончилась. Я потеряла мужа, работу и дом. За квартиру я платить не могла, пришлось вернуться к родителям. Мой отец, с его не такими уж большими доходами, кормит теперь нас и семь моих сестер и братьев. У меня ничего не осталось в этой жизни, кроме воспоминаний о городе, где когда-то кипела жизнь.

Хоть бы уж скорее война кончилась, чтобы дети пошли в школу! Так хочется, чтобы они играли и резвились, как раньше! Я так хочу, чтобы у моей дочери было счастье в будущем, чтобы не было войны, чтобы никого не убивали.

Дети играют на улицах Мосула. Город сильно пострадал во время последних военных операций. Многие дома и объекты гражданской инфраструктуры были разрушены или повреждены. Март 2017 г.

МОСУЛ, ИРАК

“КУДА НИ ГЛЯНЬ, ВСЮДУ КТО-ТО ПЫТАЛСЯ ТЕБЯ УБИТЬ”

Поначалу казалось, что во время битвы за Мосул, в ходе которой шли бои за каждую улицу, каждый дом, не будет таких массовых разрушений, как во время вооруженных столкновений в других городах Ирака. Но число убитых и раненых увеличивается, и выносить последствия боев гражданскому населению становится все труднее.

Юсеф завтракал, когда битва за город подошла к его порогу. “Я сидел завтракал. Только глотнул чаю, вдруг неожиданно прогремел взрыв, и мне пробило шрапнелью руки и ноги, — говорит он. — Я вскочил, побежал к машине, меня отвезли в больницу. У меня были раны на ногах, голове и руках. Все мои родные получили ранения”.

Юсефу повезло, он остался в живых. Но такие страшные случаи становятся все более

привычными для жителей Мосула, по мере того как вооруженные столкновения в городе продолжают, подвергая серьезной опасности жителей этого города, население которого составляет 1,5 миллиона человек.

Военные операции, не прекращающиеся ни днем, ни ночью, быстро меняющиеся линии фронтов, страх за родных и близких, реальные или воображаемые опасности, подстерегающие тех, кто решится выйти

из дома, когда это необходимо для выживания, скажем, чтобы получить медицинскую помощь, набрать воды или раздобыть пищи, — вот лишь некоторые наиболее яркие примеры страшных последствий вооруженных столкновений для гражданского населения.

Джошуа Бейкер, режиссер “Битвы за Мосул”, документального фильма PBS и “Гардиан”, утверждает, что, когда в восточном Мосуле шли бои, между участниками военных действий и гражданским населением не было практически ни малейшего расстояния.

“Один командир сказал мне, что иногда бои становятся настолько ожесточенными, что он из кухни стреляет по противнику, зашедшему в гостиную, а наверху — гражданские лица, дети”, — говорит Бейкер. Он был прикомандирован к группе иракских войск специального назначения в Мосуле, пока не получил ранение в ходе военных действий.

У Бейкера сложилось такое ощущение, что измученное войной население стало воспринимать то экстремальное насилие,

свидетелем которого он был, как нечто нормальное. Он рассказывает, как автоколонна, с которой он ехал, попала в засаду:

“Нам удалось выбраться, проехав 200 метров задним ходом [в нашем пуленепробиваемом джипе] и выехав на другую улицу. Пока мы там сидели, мы видели вооруженных людей прямо за углом. Совсем рядом с нами играли дети. Я вышел из машины и обошел ее, пытаюсь найти укрытие, а на соседней улице взорвал себя смертник. Рядом с этим местом играли другие дети, их родители были неподалеку. Понятно было, что они знают о происходящем, но насилие как-то стало восприниматься как норма”.

Кроме того, чувство тревоги и отчаяния, даже в то время, когда люди начинают возвращаться к более нормальной повседневной жизни, усугубляется неудовлетворительным обращением с останками, которые часто оставляют лежать под открытым небом или под развалинами. Много трупов остается в общественных местах, в том числе у источников воды, что делает ситуацию еще более мучительной для мирных жителей и усиливает их страх¹⁶.

“Мы уехали только из-за обстрелов. Если бы мы остались, нас уже не было бы в живых”. Во время конфликтов в городских условиях полем боя часто становятся дома мирных жителей. Халед с женой (на фото) в одной из сильно поврежденных комнат в своем доме в районе Эт-Тамнин. Февраль 2017 г.

A. Liom/CRC

Мирные жители, которые были вынуждены покинуть западный Мосул. Март 2017 г.

Сегодня в восточном Мосуле сохраняются серьезные проблемы с предоставлением ключевых услуг, таких как водо- и электроснабжение, здравоохранение и уборка мусора. Базары снова торгуют, открываются рестораны, но многим вновь появившиеся продукты просто не по карману.

“Столько важнейших служб не работает, — говорит Дани Мерхи, координатор оперативной деятельности МККК в Эрбиле. — Некоторые жители опять бросают насиженные места, уходят в лагеря или куда-то

еще, потому что эти службы не функционируют, и есть нечего. А гуманитарным организациям никак не удастся получить регулярный и безопасный доступ в некоторые части города”.

Необходимо отремонтировать или отстроить заново много жилых домов, общественных зданий, больниц, пострадавших районов или улиц. А в это время обстановка в плане безопасности остается нестабильной, поскольку общественные места, такие как базары, остаются объектами нападений.

ОСТАТЬСЯ ИЛИ УЕХАТЬ: РЕШЕНИЕ ЦЕНОЮ В ЖИЗНЬ

Несмотря на эти трудности и опасности, битва за Мосул продемонстрировала и некоторые плоды усилий, направленных на предотвращение перемещений населения, массовой гибели людей и широкомасштабного ущерба. Это последнее из нескольких крупных сражений за города в Ираке за прошедшие 14 лет, в число которых входят битвы за Багдад, Эль-Фаллуджу и Рамади.

Недавняя битва за Рамади, который был отбит иракской армией у группировки “Исламское государство” после четырех месяцев ожесточенных боев, повлекла за собой огромные разрушения. Большинство населения Рамади бежало из города в ходе

боев. Но поскольку город был на 80% разрушен¹⁷, и на его территории осталось множество неразорвавшихся боеприпасов, жителям было особо некуда возвращаться. К середине марта 2017 г., через год с лишним после завершения битвы, в город вернулось лишь около 60% тех, кто его покинул¹⁸.

В целом по стране даже до начала иракского наступления на Мосул в середине октября 2016 г. приблизительно 10% иракцев жили вне мест своего постоянного проживания¹⁹, а около трети — нуждались в той или иной форме экстренной гуманитарной помощи. Чтобы предотвратить еще один массовый и, возможно, катастрофический

исход, иракская армия распространяла в Мосуле листовки, призывающие гражданское население оставаться на месте.

Гражданским лицам совсем не просто, порой невозможно сделать выбор: остаться или бежать из родных мест, если учесть все риски, которые то или иное решение влечет за собой. Бежать, подвергаясь опасности быть убитыми по дороге, или остаться, рискуя попасть под перекрестный огонь? И в том, и в другом случае нет никакой уве-

ренности, что их потребности и потребности их семьи будут удовлетворены. См.: Совокупные последствия: Перемещенные лица в городах, с. 46.

Что касается Мосула, после трех месяцев жестоких боев за каждую улицу в восточной части города, к январю 2017 г. из города и соседних деревень бежало менее шестой части населения²⁰. Это намного меньше, чем ожидалось.

“Насилие как-то стало восприниматься как норма”.

Мальчик, проходящий мимо иракских солдат, нашел изобретательный способ использовать велосипед, чтобы привезти домой бензин. Март 2017 г.

ЖЕСТОКИЕ БОИ, НЕЧЕТКИЕ РУБЕЖИ

Хотя западный Мосул меньше восточного, его узкие, тесно застроенные улицы и более высокая плотность населения делают боевые рубежи еще менее четкими, что усугубляет опасности, которым подвергаются остающиеся там полмиллиона человек. К концу марта, меньше чем через полтора месяца с начала боев за западный Мосул, число жертв среди гражданского населения резко возросло. Выросло и число перемещенных лиц. На начало апреля в положении перемещенных лиц оставалось более 300 000 жителей Мосула и его окрестностей²¹, около 274 000 из них бежали из самого города²². Но безопасных маршрутов, которыми могут уходить мирные жители, осталось мало. Хотя число погибших точно определить невозможно, в больницы стало поступать больше раненых. По мере того как битва за западный Мосул продолжается, гуманитарным работникам приходится преодолевать огромные трудности, чтобы получить безопасный и беспрепятственный доступ в эту часть города и доставить туда продовольствие и воду, оказать медицинскую помощь и другие жизненно необходимые услуги.

Мосул служит наглядным примером новых тенденций, а также новых проблем в том, что касается защиты гражданского населения и инфраструктуры при ведении военных действий в городских условиях. Хотя основные бои ведут бойцы на земле вокруг и внутри города при поддержке с воздуха и нанесении авиаударов силами иракской коалиции, появились также новые технологии, такие как БПЛА с гранатометами.

Многие участники битвы за Мосул признают, что долгосрочная цель — обеспечить стабильность в Ираке. “Но, как сказал мне один командир, — говорит Бейкер, — краткосрочные цели — это выполнить задачу и выиграть следующий бой. Понятно, что долгосрочные цели важнее, но если неправильно поставишь краткосрочную, тебя убьют”.

Жители Мосула бегут из своих домов после окончания боя в их квартале. Февраль 2017 г.

“Удары наносились
отовсюду: сыпались
бомбы с самолетов,
взлетали на воздух
грузовики, начиненные
взрывчаткой,
сыпались гранаты
с беспилотников,
раздавались выстрелы
снайперов... Куда ни
глянь, всюду кто-то
пытался тебя убить.”

— Джошуа Бейкер, режиссер “Битвы за Мосул”,
документального фильма PBS и “Гардиан”

“Добрые люди пустили нас пожить, хотя сами жили трудно и небогато”.

— Мухаммад и его брат Ибрагим в своем разрушенном доме

A. Liohn/ICRC

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РУИНЫ

От первого лица

У нас над головами проносились бомбы, минометные мины и пули. Все, кто жил в нашем квартале, бежали из него. Это было ужасно. Женщинам, детям, инвалидам пришлось идти под огнем, пока мы не добрались до более безопасного места.

Добрые люди пустили нас пожить, хотя сами жили трудно и небогато. Мы думали, что вернемся через пару дней, так что ничего с собой не взяли — только то, что на нас. А застряли мы там на полтора месяца. Потом пошли домой.

Когда вернулись, вместо машины нашли обгоревший остов, а дома наши были повреждены настолько, что отремонтировать их уже было нельзя. Четыре бойца подорвали себя у нас в доме. Мы вытащили два трупа на улицу.

С потерей машины еще можно смириться, а вот когда разрушен твой дом, это уже другое дело. Это родной очаг, самое дорогое, что есть у человека на свете.

Сейчас в Мосуле опасно. Везде развалины. Разгрести их приходится самим жителям.

Мухаммад рассказывает, как они с братом Ибрагимом и со своими семьями бежали из родного квартала в восточном Мосуле. Они оставили свои дома, когда вооруженные столкновения стали слишком ожесточенными, надеясь вернуться через несколько дней. Но вернулись они через полтора месяца. Дома их оказались разрушены, а весь район сильно пострадал.

Разрушенный жилой квартал в восточном Мосуле. Февраль 2017 г.

КАКОВО ЖИТЬ В ГОРОДЕ, ОХВАЧЕННОМ ВОЙНОЙ?

Никакой рассказ не может передать в полной мере весь ужас войны в городе. Охваченный войной город похож на уменьшенную модель конфликта в целом с той только разницей, что последствия войны в городских условиях часто осложняются высокой плотностью и разнообразием населения, а также его зависимостью от сложной и нередко очень уязвимой инфраструктуры города. Людям в прифронтовых городах часто приходится терпеть различные лишения, которые связаны между собой и усугубляют друг друга.

Те, кто живет в условиях **осады** или сходных с осадой, страдают от нехватки самого необходимого для нормальной жизни: продовольствия, воды, электричества, необходимой медицинской помощи.

Людям приходится бежать из своих домов, из одного городского района в другой, из одного города в другой (иногда несколько раз) или же в деревню. Эти люди, ставшие **перемещенными лицами** внутри собственной страны, сталкиваются с тем, что во многих местах, куда они бегут, также опасно находиться и невозможно удовлетворить свои потребности.

Одна из причин, по которым их потребности бывает невозможно удовлетворить, заключается в том, что конфликт в городских условиях часто разрушает **сложные городские системы** жизнеобеспечения: электро- и водоснабжения, канализации, уборки мусора, здравоохранения — или нарушает их работу. В значительной степени такое нарушение их работы вызвано применением **оружия взрывного действия с большим радиусом поражения**, что не только приводит к гибели людей и разрушению зданий, но и оказывает долговременное воздействие на городские системы жизнеобеспечения и здоровье горожан.

Но город — это не только здания, улицы и инфраструктура. Когда постоянно приходится слышать грохот бомбардировки, когда страшно выйти на улицу, когда гибнут друзья, родственники, соседи, человек испытывает тяжелую **эмоциональную и психологическую нагрузку**, последствия которой потом приходится преодолевать.

В следующих разделах мы расскажем о людях, страдающих от всех этих проблем, и приведем наглядные примеры того, как серьезно они сказываются на отдельных людях и городском населении в целом.

1

ГОРОДА В ОСАДЕ

2

ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА
В ГОРОДАХ

3

СЛОЖНЫЕ СИСТЕМЫ
ГОРОДСКИХ СЛУЖБ

4

ОРУЖИЕ ВЗРЫВНОГО
ДЕЙСТВИЯ В НАСЕЛЕННЫХ
ПУНКТАХ, ХИМИЧЕСКОЕ
ОРУЖИЕ И ОРУЖЕЙНАЯ
ОПАСНОСТЬ

Сотрудники МККК оценивают ущерб, причиненный недавними боевыми действиями в районе Саван столицы Йемена Саны. Май 2015 г.

“МЫ ЖИЛИ В ПОДВАЛАХ”

Отрезанные от внешнего мира люди цепляются за жизнь

Сегодня на Ближнем Востоке в ходе боевых действий в городских условиях все чаще используется старинная форма городской войны — осада²³. Всем известна история Алеппо: в 2016 г. восточная часть города находилась в осаде 190 дней; помехи оказанию гуманитарной помощи также причинили огромные страдания гражданскому населению многих других ближневосточных городов, таких как Эль-Фаллуджа, Таиз, Дейр-эз-Зор, Фуа, Кефрайя и Мадайя.

В старой части сирийского города Хомс, находившегося в осаде с мая 2012 г. по май 2014 г., уличный торговец Абу Хани рассказывает, как он с семьей по ночам искал на улицах хоть что-то, что можно было бы пустить на растопку: ни газа, ни солянки было не достать, а выходить на улицу днем они не могли из-за боев.

По его словам, из-за нехватки продовольствия люди пытались сами выращивать овощи, но часто довольствоваться приходилось подгнившей чечевицей или дикими уличными растениями, которые в обычное время считались несъедобными. “Мы сильно истощали, — рассказывает Абу Хани. — Когда людям страшно, им не до еды: раз в сутки поел, и достаточно”.

Иногда во время конфликта города оказываются фактически отрезанными от мира из-за больших трудностей с ввозом и вывозом товаров. В результате частичной осады города Таиз, начавшейся летом 2015 г., местная экономика оказалась на грани краха. “Большинство городских рынков закрылись, а там, где какие-то продукты еще остались, цены такие, что людям не по карману, — говорит Нэнси Хамад, глава отделения делегации МККК в Таизе. — Резко возросло количество случаев недоедания, особенно среди детей”.

“Люди ищут еду среди мусора, потому что больше есть нечего, — продолжает Нэнси Хамад. — Мы видели, как женщины варят листья деревьев, чтобы покормить детей хоть каким-то горячим супом”.

Боевые действия в самом осажденном городе или вокруг него также могут уничтожить посевы на полях, расположенных внутри города или в его окрестностях, или же сделать эти поля недосыгаемыми. В одном из лагерей для лиц, перемещенных внутри страны, недавно покинувшие осажденный город дети вспоминали, как мучились от голода. “Не помню, когда я в последний раз видел курицу или овцу”, — сказал один из них.

“Мои дочери до сих пор просыпаются по ночам. Им страшно, они хотят к маме. Они скучают по ней, мы все по ней скучаем”.

Абу Хани с дочерьми. Он потерял жену и сына, когда в их дом в старой части города Хомс попали две ракеты. После двух с половиной лет скитаний Абу Хани с дочерьми вернулись в родной дом, который отремонтировали с помощью благотворительных организаций. Январь 2017 г.

В другом осажденном городе люди выжи- вали, питаясь раз в день скудной похлеб- кой из воды и пшеницы или ячменя. Кому- то удавалось раздобыть немного риса или булгура. Женщины рассказывали делегатам МККК, что их младшие дети не знают, как выглядят фрукты.

Гуманитарным организациям становится все труднее доставлять жителям осажден- ных городов продукты питания и другие жизненно необходимые предметы, напри- мер медикаменты, вот почему они настой- чиво призывают срочно предоставить им доступ в такие населенные пункты.

МГП не запрещает осадную войну, если она направлена исключительно против воен- ных объектов противника, однако оно не позволяет применять некоторые спосо- бы или методы ведения войны, которые, как правило, связаны с осадами, например целенаправленное использование голода среди гражданского населения. Более того, МГП обязывает все стороны обеспечивать больным и раненым необходимую меди- цинскую помощь. И осажденные, и осажда- ющие должны во всякое время принимать меры к тому, чтобы не причинить ущерба гражданскому населению при ведении во- енных операций.

ПРИСПОСОБИТЬСЯ К ЖИЗНИ В ОТЧАЯННЫХ УСЛОВИЯХ

В лагере для перемещенных лиц сирий- ские дети, недавно покинувшие осажден- ный город, наконец-то могут играть. “Тут так здорово, — говорит кто-то из детей. — Снова можно бегать. Раньше мы жили в подвале, а наружу почти не выходили из-за бомбежек. И игрушек у нас не было, только камешки”.

Осажденные города часто подвергаются се- рьезным разрушениям, и их жители учатся обходиться без электричества и водопро- вода, демонстрируя чудеса выносливости. Когда с прилавков местных рынков исчеза- ют обычные моющие средства, люди ино- гда стирают одежду золой. Некоторые сами производят топливо, используя кустарный способ переработки пластмассы. Маленькие

кусочки пластика примерно девять часов плавят в цилиндрах. В результате получа- ется жидкость — “талька”, — которую со- бирают и используют для заправки генера- торов, мотоциклов, двигателей насосных станций и других приспособлений.

Питьевая вода — еще один редкий и дра- гоценный ресурс. Имеющиеся скважины предназначены для полива посевов, так что воду из них перед употреблением сле- дует кипятить, однако некоторые этого не делают, рискуя заразиться передаваемыми с водой болезнями. В некоторые районы воду из скважин доставляют цистернами, однако из-за нехватки топлива генерато- ры, питающие насосы, работают лишь от одного до трех часов в день.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Для медицинских учреждений отсутствие чистой питьевой воды и нормальных продуктов питания означает, что помимо стабильного поступления пациентов с огнестрельными ранениями и взрывными травмами следует ожидать роста заболеваемости кишечными инфекциями. Кроме того, многие больницы подвергаются обстрелу или страдают от острой нехватки необходимого оборудования и медикаментов, включая анестетики, антибиотики и препараты для внутривенного вливания. К тому же, даже те немногие базовые расходные материалы, что еще есть в продаже, крайне дороги, при том что больницы не получают доходов или стабильного финансирования.

Из-за частых отключений электроэнергии работники медучреждений в качестве меры предосторожности нередко используют генераторы, однако в силу дефицита топлива некоторые жизненно важные медицинские услуги получить невозможно. Из-за краха местной экономики или

отсутствия государственного финансирования у лечебных заведений нет средств на выплату зарплат сотрудникам. Врачи, медсестры и обслуживающий персонал часто героически делают все возможное, чтобы больницы продолжали функционировать, при том что сами они с трудом могут прокормить свои семьи. Однако, как и многие другие общественные институты, больницы в осажденных городах страдают от нехватки кадров.

Во многих случаях гуманитарные организации предоставляют оборудование, медикаменты и поддержку другого рода, включая деньги на выплату зарплат сотрудникам. Однако из-за ограниченного доступа в осажденные районы эта помощь нерегулярна, недостаточна и бесперспективна.

К тому же, за пределами городов количество мест, куда могут бежать их жители, ограничено, поскольку только в городах имеются достаточные ресурсы для жизнеобеспечения большого количества людей.

С июля 2015 г. ограничения на ввоз товаров в Таиз и их перемещение по городу заставили многих людей пускаться в тяжелый и временами опасный путь по крутым горным дорогам, чтобы добыть еду и другие предметы первой необходимости. Таиз, гора Сабир, июль 2016 г.

БЕГСТВО ИЗ ОХВАЧЕННОГО ВОЙНОЙ ГОРОДА И ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ: ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЕ ИСТОРИИ

От первого лица

Рассказ Аммара и Раним

Аммар и Раним испытали на себе ужасы городской войны. Они рассказывают, как в 2012 г. бежали с маленькой дочкой из раздираемого войной сирийского города Хомс. После этого они жили в двух городах неподалеку, прежде чем возвратиться в Хомс. Аммар вспоминает, как они впервые вернулись в свой старый дом. Их история похожа на истории примерно еще шести миллионов сирийцев, вынужденных покинуть свои дома и перебраться в другие районы страны. См. раздел, посвященный перемещенным лицам, с. 46.

Аммар: Когда мы добрались до квартала рядом с площадью Старых часов, началась пальба со всех сторон. Бойцы одной из оппозиционных групп наступали с одной стороны, а солдаты правительственных войск отстреливались из здания, рядом с которым была припаркована наша машина. Я стоял перед машиной, жена и дочка были на заднем сиденье. По стеклам машины стучали гильзы.

Раним: В конце концов, натерпевшись страху, мы целыми и невредимыми добрались до дома.

Аммар: Тогда в нашем районе разворачивали блокпосты, отключили электричество и воду. Постепенно исчезали все основные удобства.

Покидать охваченный конфликтом город — дело сложное и небезопасное. Аммар и Раним вспоминают, с какими мучениями уезжали в соседний Тартус.

A. Kambar/MCRC

Аммар вернулся в квартал, где жил когда-то. Хомс (Сирия), январь 2017 г.

Аммар: Мы доехали до первого блокпоста, там было полно солдат. Подошел какой-то офицер, спросил, что мы здесь делаем. Я объяснил, что мы едем в Тартус. Он нас пропустил, но посоветовал гнать на полной скорости. Мы послушались, но вскоре оказались на другом блокпосту. Солдаты сразу наставили на нас автоматы. Я помахал рукой из окна машины. Жена была ужасно напугана.

К машине подошел недовольный офицер и спросил: “Вы кто?”

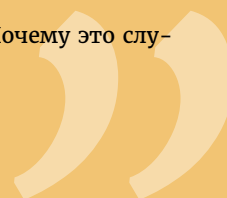
Я объяснил, что еду с семьей в Тартус. Он ответил, что не будь в машине ребенка, приказал бы открыть огонь. “Ваша дочь вас спасла”, — сказал офицер и позволил ехать дальше.

Наконец они обосновались в другом районе Хомса, чтобы Раним снова могла преподавать. Подгузники, детскую одежду и молоко для дочки семья получала от благотворительных организаций.

Аммар: Через два года осаду сняли. Я был одним из первых, кто вернулся в город. Сразу отправился искать наш дом. Улицу, на которой мы жили, перегородили баррикадами. Пришлось залезть в одно здание, из него перебираться в другое и так до тех пор, пока наконец я не оказался в нашем доме. Не могу описать свои чувства; я был в шоке. Все мебель была раскурочена, была разрушена одна из стен... Я искал и нашел самое ценное — вещи, которые так много для нас значили, с которыми были связаны воспоминания.

Раним: Я позвонила Аммару. Он ответил сквозь слезы.

Аммар: Да, я плакал. Я не мог понять, почему это произошло со мной. Почему это случилось именно с нами?

“ЕСЛИ БЫ МЫ ОСТАЛИСЬ, НАС УЖЕ НЕ БЫЛО БЫ В ЖИВЫХ”

Бегство из города, в город или внутри города в условиях войны: проблемы перемещенных лиц

В ходе вооруженного конфликта люди покидают дома, чтобы спастись самим или спасти своих родных, или по целому ряду других причин. Иногда бегство для них — это единственный способ остаться в живых. В некоторых случаях их вынуждают сниматься с места, что часто является нарушением МГП. Одни бегут в спешке, другие тщательно все планируют; кто-то берет самое необходимое, а у кого-то не осталось ничего, кроме одежды, в которой они ушли из дома. Куда бы они ни направлялись, такие передвижения населения имеют серьезные, долгосрочные последствия для самих перемещенных лиц,

а также для жителей принимающих их городов и сел и для страны в целом, в особенности, если люди вынуждены скитаться подолгу.

Около 17,5 млн человек²⁴ покинули свои дома в результате продолжающихся конфликтов в Йемене, Ираке и Сирии. Большинство из них — примерно 11,9 миллионов — остались в своих странах. Обозначаемые термином “лица, перемещенные внутри страны”, они относятся к числу наиболее уязвимых категорий гражданского населения. Нередко они рискуют подвергнуться нападению даже после

“Когда-то мы жили хорошо и в достатке. У нас был дом, у меня была работа со стабильным ежемесячным заработком. Когда началась вся эта заваруха, я, как и все остальные, потерял работу. Мы потеряли все.

Теперь мне приходится брать займы, чтобы купить детям молока. Школы тут нет, а возить их на учебу куда-то еще мне не по карману. У моего сына кожное заболевание, но у меня нет машины, чтобы возить его в больницу на лечение”.

— Иракец, отец десятирех детей. В 2014 г. он был вынужден бежать со всей семьей из города Синджар и с тех пор скитается по стране

I. Sherkhani/CRC

S. Tarabishi/CRC

Лишившиеся крова из-за боев жители Мосула в очереди за едой, которую раздают МККК и Иракское общество Красного Полумесяца в лагере, где находится 250 000 человек.
Январь 2017 г.

Марианна Гассер, глава делегации МККК, с двумя детьми из Алеппо, потерявшими крышу над головой. Когда боевые действия добрались до этого района, их семьям, как и многим другим в этом приюте, снова пришлось бежать. Июль 2016 г.

бегства и не всегда могут достичь районов, где бы им ничего не угрожало. Часто им приходится сниматься с места по нескольку раз, покидая районы, в которые они бежали изначально.

Перемещенные лица могут бежать в города в поисках безопасности, пропитания, крыши над головой, медицинской помощи и работы, но нет никаких гарантий, что они смогут все это получить: в городе и без того могла наблюдаться нехватка ресурсов, или же они резко сократились из-за идущих поблизости боевых действий. В Алеппо, на улицах которого развернулось одно из самых ожесточенных городских сражений в недавней истории, стекались тысячи сирийцев из окрестных городов и сел. Даже в разгар боев отдельные районы Алеппо считались относительно безопасными, к тому же людей могла привлекать близость города к оставленным ими родным домам. Однако линии фронта смещались, затрагивая некоторые из прежде безопасных кварталов, и многим вновь приходилось бежать.

Все это свидетельствует о том, как сильно страдают люди. “В некоторых кварталах, где я побывала, масштабы разрушений огромны, царит полная разруха, — расска-

зывает Аврил Паттерсон, которая последние три года занимает пост координатора МККК по вопросам здравоохранения в Сирии. — Вокруг лишь полностью разрушенные здания, абсолютно не пригодные для жизни дома, а потом выясняется, что в подвале одного из них развернут полевой госпиталь”.

Современные методы ведения войны в городах и причиняемые ими разрушения помогают понять, почему люди вынуждены покидать свои дома. Иногда полное отсутствие основных и жизненно важных услуг вынуждает жителей целых населенных пунктов экстренно сниматься с места просто ради получения срочной медицинской помощи. В качестве примера можно привести Мосул. “В Мосуле многие раненые не могли получить медицинскую помощь, — рассказывает Сара аз-Завкари, делегат МККК по связям с общественностью в Ираке. — Я слышала про тринадцатилетнего мальчика, который был ранен, когда пытался покинуть город. Его не могли эвакуировать три или четыре часа. Один мужчина рассказывал, как у его жены начались роды, но у них ушло семь или восемь часов на то, чтобы выехать из города и найти полевой госпиталь, где она смогла родить”.

СОРВАННЫЕ С МЕСТА, НО НЕ ЗАМЕЧЕННЫЕ

Что бы ни двигало людьми, оставившими свои дома, участь тех из них, кто отправился в города, куда тяжелее, поскольку, как правило, там они менее заметны по сравнению с бежавшими в сельские районы или лагеря для перемещенных лиц. Так, в некоторых сирийских городах под центры временного размещения были отданы заброшенные или недостроенные здания. Кто-то возвел самодельные укрытия в таких зданиях, многие другие остановились у родственников.

Наглядным примером стало массовое перемещение людей в западной части Алеппо в августе 2016 г. Тысячи жителей покинули свои дома и разместились, где смогли: в парках, мечетях, школах или недостроенных зданиях. Во многих недостроенных домах не было межкомнатных стен, отсутствовали туалеты, не была подведена вода. Здания, которые проектировались как жилье повышенной комфортности, стали неофициальными центрами временного размещения без канализации, водопровода и проложенных к ним дорог. Гуманитарным организациям пришлось реагировать сходу: они прокладывали теплоизоляцию для защиты людей от холода и жары, устанавливали перегородки и искали краткосрочные пути решения проблемы с подачей воды.

Нужды перемещенных лиц разнообразны и не ограничиваются потребностью в материальной помощи. В суматохе внезапного и спешного отъезда люди разлучаются с родственниками, теряют или не могут взять с собой официальные документы, необходимые для получения медицинской помощи, образования и других важнейших услуг.

Нередко власти или гуманитарные организации не отслеживают перемещения населения, поэтому установить местонахождение перемещенных лиц, определить их потребности и эффективно их удовлетворить часто бывает непросто. В особенности это касается таких уязвимых групп населения, как старики, инвалиды и дети, разлученные с родителями. В городах, особенно в крупных, перемещенные лица могут затеряться среди остального населения, в результате чего выявить их и получить к ним доступ еще труднее.

В некоторых городах были созданы механизмы, призванные помочь в розыске перемещенных лиц, однако зачастую они не справляются со своей задачей. В результате, оценки численности перемещенных лиц в этих городах скорее всего являются заниженными, а данные об их потребностях — неполными, что лишь препятствует всестороннему и эффективному удовлетворению их нужд.

Семья выбирается из осажденного района Таиза, поднимаясь в горы по немощенной, грязной дороге. Ноябрь 2016 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Желающие вернуться в свои дома люди беспокоятся не только о том, насколько безопасны их родные места. Целый ряд проблем может возникнуть у них вследствие утери официальных документов, в частности из-за того, что власти могут чинить бюрократические препоны, чтобы помешать им вновь стать полноценными членами общества. Еще одна серьезная проблема — это уничтожение собственности, поскольку в большинстве случаев у людей нет ни денег, ни материалов для восстановления домов.

“Люди часто хотят вернуться при первой возможности. Они боятся, что у них дома поселится кто-то другой, или что они и вовсе лишатся жилья, — рассказывает Аврил Паттерсон. — Возвращение домой — один из способов вновь обрести себя, но все зависит от того, много ли вообще осталось от дома”.

Во многих ближневосточных городах, пострадавших от конфликта, покинувшим свои дома людям практически некуда возвращаться. Так, в иракском Рамади по разным оценкам²⁵ было частично или полностью разрушено 2000 строений — 48 000 семей лишились дома. Кроме того, были уничтожены важнейшие объекты инфраструктуры: мосты, центральная больница, железнодорожный вокзал и водоочистная станция, обслуживавшая более половины городского населения.

ЧЕРЕДА УТРАТ

Некоторые люди теряют все сразу, однако череда потерь, вызванных вынужденным перемещением, может быть не менее сокрушительной. Необходимость подолгу скитаться, по несколько раз переезжая с места на место, нередко истощает ресурсы даже тех, кому изначально — часто при помощи друзей и родственников — удается удержаться на плаву и немного поправить свое положение.

Такая судьба постигла семью Джамалья*. В 2015 г. массированные авиаудары и бои вынудили Джамалья бежать с женой и восьмью детьми из родного города Сакейн в йеменской провинции Саада в один из пригородов столицы страны Саны. До войны

Старик заходит в свой дом в Мосуле, разрушенный во время недавних столкновений. Пожилые люди часто сталкиваются с ужасными лишениями, когда им приходится бежать из дома. Зачастую они слишком слабы, чтобы уехать, даже если боевые действия становятся ожесточеннее. Март 2017 г.

Джамаль, которому сейчас 50 лет, был сельскохозяйственным рабочим и мог рассчитывать на стабильный заработок. Однако после того как они покинули свой дом, он не мог найти работу и погряз в долгах. Двое его детей больны раком. Джамаль изо всех сил старается прокормить семью, но питаются они впроголодь, потому что денег на еду нет.

“У нас не осталось ничего, — рассказывает Джамаль. — Я продал украшения жены и все, что у нас было. Я не могу оплатить лечение детей. Мы живем в доме, но денег, чтобы и дальше платить за аренду, у меня нет. Из-за всего этого весь прошлый [2016] год мои дети вообще не ходили в школу”.

* Имя изменено.

P. Kzysiek/ICRC

Алеппо. Ребенок набирает воду из скважины, пробуренной МККК. Август 2015 г.

СЛОЖНЫЕ СИСТЕМЫ ГОРОДСКИХ СЛУЖБ

“НАША ЦЕЛЬ — ОБЕСПЕЧИТЬ ВОДОЙ ВСЕХ”

Военные действия в городах и их окрестностях нарушают работу служб, необходимых для выживания городских жителей

Пытаясь обеспечить бесперебойную работу коммунальных служб для всех сирийцев независимо от того, на чьей они стороне, Хамид*, техник водоочистной станции в юго-восточном пригороде Алеппо, столкнулся с многими трудностями.

“В разгар боев нам приходилось обслуживать сразу две станции и каждую неделю переходить через линии фронта, координируя свои передвижения с нашими партнерами из гуманитарных организаций и представителями воюющих сторон на местах”, — рассказывает Хамид.

Одну из станций несколько раз захватывали вооруженные группы и грабили материалы, искавшие медные провода. “У нас была цель — поддерживать сооружения в рабочем состоянии и обеспечивать водой всех, без ограничения, — говорит Хамид. — Порой было жутко, как будто мы очутились внутри фильма ужасов”. Во время одной опасной вылазки в район, который контролировали сразу три разные стороны в конфликте, они попали в перестрелку. Хамид был ранен, и его пришлось доставить в больницу.

** Имя изменено.*

ВОДА ДОЛЖНА ТЕЧЬ ПО ТРУБАМ ДАЖЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Нападения, которые наносят урон объектам, необходимым для выживания гражданского населения, и другие факторы, нарушающие их работу (например, повреждение водораспределительных сетей, линий электропередачи или пролегающих под землей канализационных труб в результате мощных взрывов), стали обычным явлением современной городской войны.

Напоминая всем противоборствующим сторонам об их обязательстве с уважением относиться к этим жизненно важным объектам инфраструктуры и не причинять им ущерба, МККК и партнерские национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца в сотрудничестве с местными органами водоснабжения и поставщиками коммунальных услуг укрепляют существующие системы водоснабжения и канализации, делая их более устойчивыми к последствиям продолжительных боевых действий, которые ведутся сегодня в городах Ближнего Востока²⁶.

“Чтобы избежать подобных кризисных ситуаций, нужны коммунальные службы, способные подстраиваться к меняющейся обстановке, справляться с последствиями конфликта и в кратчайшие сроки возвращать себе полную работоспособность, когда обстоятельства позволяют”, — полагает Майкл Тальхами, координатор программ МККК в области водоснабжения и улучшения условий проживания на Ближнем и Среднем Востоке.

Во многих ближневосточных городах источники водоснабжения и насосные станции расположены вне городской черты или разбросаны на большой территории, а важнейшие участки водопроводных труб проходят по территориям, которые контролируются противоборствующими вооруженными группировками. Прежде чем увеличивать количество источников водоснабжения, необходимо провести тщательный анализ рисков, чтобы не допустить ситуации, при которой из-за перемещения линии фронта или вывода из строя оборудования какой-то район города останется без воды. Так, в Таизе МККК в сотрудничестве с местными органами водоснабжения отремонтировал существующие колодцы и выкопал новые (как в самом городе, так и за его пределами), — теперь на них приходится почти 90% потребляемой горожанами питьевой воды.

В связи с усилением в этом году боевых действий в портовом городе Ходейда на западе Йемена на побережье Красного моря МККК в сотрудничестве с местными органами водоснабжения пробурил по всему городу новые скважины: если подача воды будет прервана, у городского населения будут запасные источники. Важнейшие единицы оборудования — зачастую они должны соответствовать очень строгим требованиям — были заказаны заранее, так как на их доставку и внедрение в уже существующие сети могут уйти месяцы. Это время может оказаться решающим для людей, нуждающихся в чистой питьевой воде. Крайне важно приступить к работе уже на ранних стадиях: в разгар столкновений заниматься расширением водопроводного хозяйства может быть очень непросто.

Инженер МККК и сотрудник местного управления водоснабжения подключают один из районов столицы Йемена Саны к центральному городскому водопроводу. Декабрь 2016 г.

НАГРУЗКА НА РЕСУРСЫ

Истощение водных ресурсов Ближнего Востока началось до конфликтов и до появления гуманитарных программ, направленных на восстановление систем водоснабжения, и, к большому сожалению, продолжается уже не одно десятилетие. Перед регионом стоит ряд серьезных проблем: ветхость и негерметичность сооружений водоснабжения, засуха, истощение водоносных горизонтов и снижение уровня грунтовых вод, опустынивание пахотных земель и засоление почв²⁷.

По мнению экспертов, одно лишь бурение новых скважин, из которых в экстренных случаях можно будет брать воду, не решит проблему в долгосрочной перспективе. «В этих скважинах уже наблюдается истощение запасов подземных вод, что вызывает серьезные опасения», — отмечает Маурицио Песель, который руководит в Алеппо программами МККК в области водоснабжения и улучшения условий проживания.

Следовательно, реализуя свои программы, международные гуманитарные учреждения и организации должны принимать во внимание целый ряд сложных факторов: разноплановый характер важнейших городских служб и их взаимосвязанность; совокупное воздействие прямых и косвенных последствий конфликта, которые усугубляются регулярно совершаемыми нарушениями МГП; безопасность сотрудников; доступ к пострадавшему населению; особенности работы в местах активного функционирования сил безопасности и вооруженных групп, а также несоответствие объемов финансирования масштабу и временным рамкам потребностей²⁸.

Несмотря на всю сложность задачи, масштабы повреждений, опасности и лишения, Хамид, работник водопроводного хозяйства из Алеппо, уверен, что его усилия, направленные на поддержание бесперебойной подачи воды, не прошли даром. «За всю историю города на его долю выпало немало испытаний, он пережил не одно землетрясение, но всегда приспосабливался даже к самым тяжелым временам, — говорит Хамид. — Алеппо будет отстроен заново и вновь добьется процветания».

* Имя изменено.

Инженер МККК проверяет мотор электрогенератора в больнице Эт-Таура в городе Ходейда. Май 2016 г.

Местные жители берут воду из источника, оборудованного МККК в окрестностях Таиза. Август 2016 г.

Медина-эль-Сияхийя, Ирак. Жители наполняют бутылки водой. МККК восстановил городскую насосно-фильтровальную станцию, пострадавшую от военных действий. Январь 2015 г.

Вклад городов в экономику страны и региона колоссален: они поддерживают сельское хозяйство, промышленность, торговлю, но в то же время сильно зависят от внешних ресурсов. Большая часть потребляемого их жителями продовольствия производится в близлежащих или более удаленных крестьянских хозяйствах. Топливо для легковых и грузовых автомобилей, электрогенераторов и отопительных систем производится из нефти, которую получают из скважин и затем перерабатывают на заводах, расположенных на некотором удалении от жилых кварталов. Электростанции, линии снабжения, станции водоподготовки и очистки сточных вод также часто располагаются за городской чертой.

Таким образом, даже если боевые действия ведутся вдали от городов, они могут иметь тяжелейшие последствия для их жителей. Когда же вооруженные столкновения начинаются в самом городе, линии фронта между противоборствующими сторонами могут пролегать поперек линий электро-снабжения, водопроводных и канализационных линий, которые обслуживают весь город, а различные взаимосвязанные сооружения электро- и водоснабжения могут оказаться под контролем разных вооруженных групп. Именно поэтому защита жизни и здоровья людей во время затяжных конфликтов является столь сложной задачей.

УДАРНЫЕ ВОЛНЫ

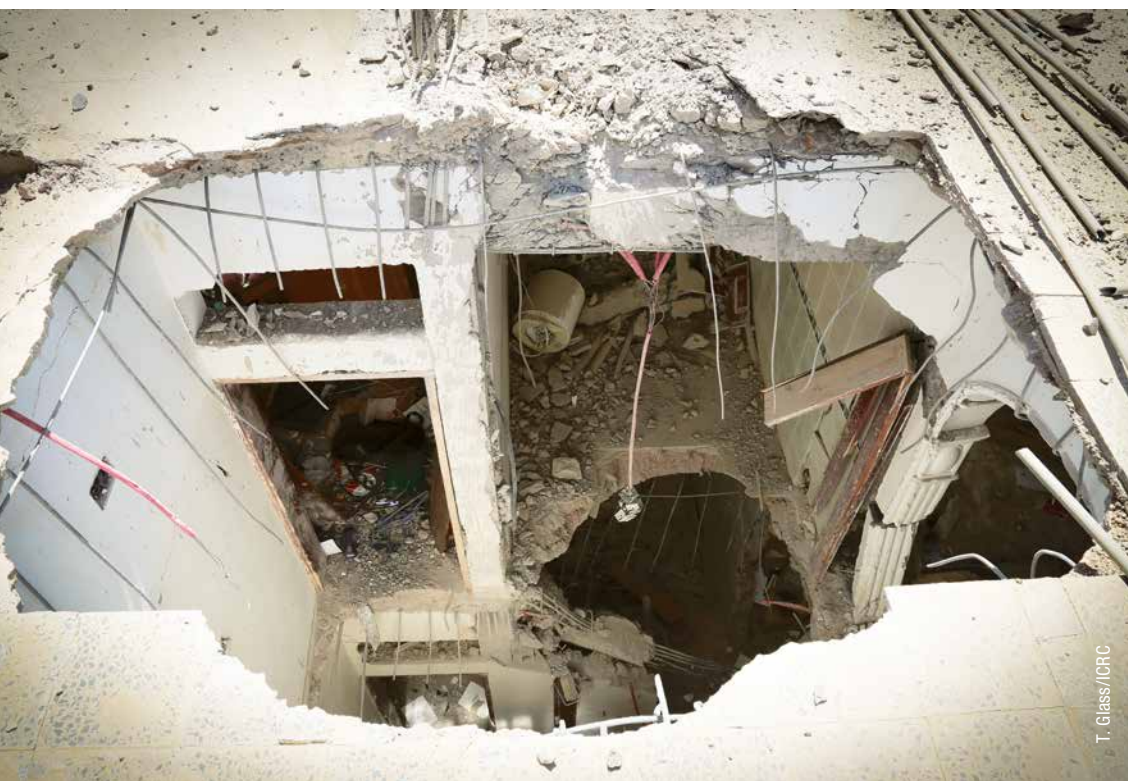
Катастрофические последствия применения в городах оружия взрывного действия с большим радиусом поражения

Слишком часто в современных конфликтах на Ближнем Востоке оружие взрывного действия с большим радиусом поражения применяется в населенных пунктах, что приводит к катастрофическим последствиям для гражданского населения и объектов гражданской инфраструктуры.

Воздействию оружия взрывного действия могут быть подвержены обширные площади из-за большого радиуса поражения такого оружия, низкой точности средств доставки или ввиду того, что в результате его применения происходит разброс суббоеприпасов на большой территории. К таким вооружениям относятся крупнокалиберные бомбы и ракеты, в том числе “умные” боеприпасы с лазерным наведением; средства ведения огня с закрытых позиций, например минометные системы, использующие неуправляемые мины, реактивные системы и артиллерийские орудия; реактивные системы залпового огня

и некоторые виды самодельных взрывных устройств. Люди могут погибнуть не только из-за воздействия взрывной волны, но и в результате поражения осколками таких боеприпасов или фрагментами разрушенных конструкций, которые разлетаются во все стороны²⁹.

При ведении военных действий в городских условиях бои идут в кварталах, где бойцы окружены представителями гражданского населения. Даже если целью нападения является военный объект, при применении оружия взрывного действия с большим радиусом поражения в населенных пунктах высока вероятность его неизбирательного воздействия. Поскольку вокруг законных военных целей присутствуют гражданские лица, а сами эти цели соседствуют с их домами, больницами и школами, использование таких вооружений может иметь катастрофические последствия для гражданского населения.

K. Al-Saeed/ORB

Полуразрушенный жилой дом в разоренном войной Таизе. Декабрь 2016 г.

УЩЕРБ ВНЕ ЗОНЫ ПОРАЖЕНИЯ

Последствия применения оружия взрывного действия с большим радиусом поражения для города не ограничиваются людскими потерями и разрушениями непосредственно в зоне поражения и могут ощущаться продолжительное время. При повреждении или разрушении ключевых объектов гражданской инфраструктуры нарушается работа важнейших служб, что чревато серьезными, далеко идущими последствиями для представителей гражданского населения, включая их гибель и причинение им ранений.

Разрушения, причиняемые в результате непрекращающихся интенсивных артил-

лерийских обстрелов и бомбардировок, — основная причина, по которой люди бегут из городов. Некоторые кварталы практически полностью разрушены, а значит, жителям Хомса, Рамади, Алеппо и Таиза, покинувшим свои дома, некуда будет возвращаться, даже если боевые действия прекратятся.

Таковы некоторые причины, по которым МККК и Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца в целом призывают стороны в вооруженных конфликтах не применять оружие взрывного действия с большим радиусом поражения в густонаселенных районах³⁰.

ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Хотя использование химического оружия категорически запрещено, сообщения о его применении по-прежнему поступают слишком часто

Неоднократные сообщения о применении боевых отравляющих веществ и использовании хлора в качестве химического оружия в Ираке и Сирии вызывают крайнюю тревогу. МГП категорически запрещает применять химическое оружие, и ни одна сторона не вправе его использовать. Сотрудники МККК пристально отслеживают такие сообщения и напоминают всем сторонам в конфликте о категорическом запрете на использование химоружия и об их обязанности соблюдать международное право.

Отравляющие вещества и патогенные микроорганизмы представляют опасность — в том числе смертельную — не только для тех, кто непосредственно подвергся их воздействию: медицинские работники, машины скорой помощи, операционные и целые больницы также могут быть заражены, в результате чего эти критически важные объекты окажутся бесполезными в тот самый момент, когда они более всего необходимы. Это не абстрактные опасения, о чем свидетельствуют события в Мосуле, где, по всей видимости, было применено химическое оружие: 15 человек, в том числе несколько детей, были доставлены в больницу с симптомами, указывающими на поражение отравляющим веществом кожно-нарывного действия³¹.

Боевые действия все чаще ведутся в городской местности, что побуждает гуманитарные организации переосмысливать и совершенствовать методы своей работы, призванной помочь городам подготовиться к интенсивным столкновениям и снизить их опасность для населения. В Ираке и на территории Украины одно из направлений деятельности отдела МККК по вопросам оружейной опасности — выявление промышленных объектов и других мест, где могут храниться токсичные химикаты или другие опасные вещества. Эти сведения могут оказаться крайне важными при подготовке к возможному наплыву пострадавших в результате случайного или целенаправленного нападения на промышленные объекты, расположенные вблизи городов.

Кроме того, в Ираке отдел МККК по вопросам оружейной опасности помогает больницам и другим медицинским учреждениям повысить их потенциал в области работы в условиях массового притока пострадавших в результате применения обычного оружия взрывного действия или преднамеренного использования либо случайного выброса отравляющих веществ. Кроме того, сотрудники отдела обучают персонал двух лечебных заведений в районе Мосула оказывать помощь при отравлении токсичными химикатами или боевыми отравляющими веществами и снабжают эти учреждения необходимым оборудованием.

Эксперты МККК по вопросам оружейной опасности обучают персонал медпункта в пригороде Мосула (Ирак) безопасному оказанию помощи людям, пострадавшим от химических или биологических веществ. Ноябрь 2016 г.

СМЕРТЕЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Неразорвавшиеся боеприпасы уносят жизни и после окончания боев

По оценкам, примерно 10–15% бомб, управляемых ракет, артиллерийских снарядов и поражающих элементов кассетных боеприпасов не взрываются при ударе. Они остаются лежать в земле или среди руин, подвергая серьезной опасности жителей городов, в которых ведутся боевые действия.

Кроме того, неразорвавшиеся боеприпасы представляют угрозу для сотрудников служб быстрого реагирования, а также для людей, задействованных в более долгосрочных мероприятиях по восстановлению работы коммунальных служб, расчистке дорог и ремонту жилья.

В связи с этим отдел МККК по вопросам оружейной опасности занимается — там,

где это возможно (например, в Ираке), — поиском, извлечением и обезвреживанием неразорвавшихся боеприпасов. Кроме того, в сотрудничестве с местными партнерами, включая национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца, сотрудники отдела информируют население об опасности таких предметов.

Долгосрочное восстановление городских районов, усеянных неразорвавшимися боеприпасами, сопряжено с риском и требует больших финансовых затрат, поскольку, прежде чем специальная техника сможет приступить к расчистке завалов, необходимо принять все меры предосторожности, чтобы убедиться в безопасности всей территории работ.

Сотрудник МККК по вопросам оружейной опасности прочесывает местность в поисках неразорвавшихся снарядов около станции водоснабжения в пригороде Мосула (Ирак). Февраль 2017 г.

Сотрудники МККК оценивают разрушения, причиненные в ходе продолжающегося конфликта в Сааде. Июль 2015 г.

В йеменском городе Саада остается множество неразорвавшихся боеприпасов, в частности, город серьезно пострадал от использования кассетных бомб и снарядов. Стоящие перед Саадой проблемы — характерное проявление общих смертельно опасных последствий применения таких вооружений в различных регионах страны, которое достигло таких масштабов, что Йеменский исполнительный центр по разминированию более не в состоянии обеспечить безопасное обезвреживание несработавших боеприпасов. В последние месяцы при взрывах таких боеприпасов погибло несколько саперов. Как количество боеприпасов, так и зачастую сложность их конструкции представляют в долгосрочной перспективе серьезную проблему, которая требует немедленных и согласованных действий.

Мальчик сидит на развалинах родного дома. Йемен, июль 2016 г.

M. Al Qanas/ICRC

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

“САМ Я СЛОМАЛСЯ”

Продолжительные боевые действия в городах способны нанести серьезные и долго не заживающие душевные раны

Травмирующее событие может иметь длительное эмоциональное, психологическое и социально-психологическое воздействие. В некоторых случаях его последствия могут сопровождать человека всю жизнь. Для людей, оказавшихся заложниками затяжных боевых действий в городах, сцены ужасающего насилия и жестокости могут быть реальностью, с которой приходится сталкиваться чуть ли не каждый день, иногда на протяжении нескольких лет.

Многим из них, например, Махмуду* и Умм Али* после таких потрясений приходится вдобавок мириться с нестабильностью и отсутствием безопасности, которые связаны с необходимостью часто переезжать с места на место. Супруги и двое их детей покинули Таиз (Йемен), после того как в ходе боев был разрушен их дом.

Они перебрались в Сану и теперь с трудом пытаются обеспечить детей самым необходимым — едой, одеждой, а также дать им образование. “Я пострадал и душой, и телом, — говорит Махмуд. — Вся моя жизнь пошла наперекосяк. Когда детям что-то нужно, а у меня этого нет, я прихожу в отчаяние. Я умер уже сотню раз”.

Умм Али тоже видит, как война сказалась на психологическом благополучии всей семьи. “Сыновья подавлены, — жалуется она и рассказывает, что старший перестал ходить в школу из-за психологических проблем. — Раньше муж работал, но из-за войны остался без дела. Теперь у него проблемы с психикой, он поднимает руку на детей”.

A. Lohm/CRC

Маленькая девочка в лагере Дебага для лиц, перемещенных в результате боев в Мосуле (Ирак). Ноябрь 2016 г.

Когда люди теряют столь многое, им часто кажется, что их лишили чувства собственного «я» и ощущения благополучия. Сами*, 27 лет, сейчас живет в Бейруте (Ливан) и никак не может вернуться к нормальной жизни: «Я просто хочу, чтобы со мной было все в порядке. Сложно быть «в норме», когда столько всего испытал. Я видел, как умирает мой город, сам я сломался. Не знаю, оправлюсь ли я когда-нибудь, но я этого хочу».

Люди часто демонстрируют потрясающую выносливость и способность приспосабливаться в самых непростых условиях. Однако в разгар конфликта это дается особенно трудно: постоянные переживания о безопасности родных и близких, неотступная забота о пропитании и удовлетворении других насущных потребностей усугубляют личные трудности, вызванные такой очевидно травмирующей ситуацией. Все реагируют по-разному: кто-то приходит в ярость или в отчаяние, другие молча примиряются со своим положением. Распространенными чувствами являются глубокая скорбь и страх.

Большинство людей по-прежнему в состоянии заниматься своими делами и справляться со стрессом, однако некоторых психологические потрясения лишают способности жить нормальной жизнью. У психологических травм, вызванных боевыми действиями в городских условиях, есть несколько отличительных особенностей. Из-за близости

боев и постоянных взрывов жители густонаселенных районов регулярно становятся свидетелями ужасных событий, в результате которых многие получают тяжелые увечья или гибнут. Отсутствие «безопасных» мест, в которых можно было бы расслабиться, нарушение нормального течения семейной и общественной жизни, недоступность основных услуг, таких как здравоохранение или образование, могут обострить психологическое воздействие происходящего.

В то же время, учитывая масштабы возможных потребностей в медицинской помощи, органы здравоохранения в страдающих от конфликтов странах, а также в государствах, принимающих бегущих от войны людей, часто не в состоянии выявить лиц, нуждающихся в соответствующей помощи, и оказать им такую помощь. Практически во всех городах крах местной экономики и рост количества нуждающихся в помощи сказываются на работе психиатрических служб. Они, как правило, страдают от нехватки ресурсов и в лучшие времена, а конфликт лишь усугубляет ситуацию, поскольку психологи и психиатры также вынуждены бежать от боев. Различные государственные и негосударственные структуры пытаются заполнить образовавшийся вакуум. Гуманитарные организации, включая МККК и партнерские национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца, наращивают объем своих услуг в этой сфере, однако она требует гораздо больших инвестиций.

ДЕТСТВО, ОМРАЧЕННОЕ КОНФЛИКТОМ

Дети особенно уязвимы для потрясений, однако служб, способных помочь им справиться с пережитым (например, обеспечить консультации с психологом или психотерапию), немного. В условиях вооруженного конфликта они либо не имеют возможности делать то же, что все остальные дети: ходить в школу, играть с друзьями, — либо эта возможность серьезно ограничена. «Моей дочери одиннадцать лет, а сыну пять, но детства у них не было, — рассказывает житель Алеппо. — Они пережили ужасные потрясения. У сына, Хамоди, иногда случаются приступы паники. При каждом громком звуке, даже если просто хлопнула дверь, он убегает и прячется».

Невозможность получить образование, отсутствие перспектив трудоустройства и возможностей для культурного досуга и активного отдыха, например занятий спортом, отсутствие помощи для проблемных подростков старшего возраста — в результате всего этого в детях копится психологическое напряжение, которое может

подтолкнуть их к вступлению в преступные группировки, к сексуальному и иному насилию или другим формам противоправного поведения.

Особенно мучительно страдают люди, родные и близкие которых погибли или пропали без вести. Во время гражданской войны в Ливане жительница Бейрута Мэгги Андриотти потеряла двоих сыновей: один погиб при ракетном обстреле, второй умер от вполне излечимой болезни, но в районе, где они жили, шли бои, и мать не смогла вовремя доставить его в больницу. Однако незнание того, какая судьба постигла ее третьего сына, мучительнее боли, которую доставляет ей гибель его братьев. Он исчез в 1978 г. во время вооруженных столкновений в Бейруте и так и не вернулся. Ему было всего 16 лет.

«Мать погибшего ребенка поначалу не может спать ночами, но рано или поздно сон к ней вернется, — говорит Мэгги Андриотти. — Мне ли не знать, я сама потеряла двоих

Отец с дочерью у развалин жилых домов в одном из районов Саны (Йемен). Май 2015 г.

T. Glass/ICRC

детей. Но мать, чей ребенок пропал без вести, не уснет уже никогда. Я знаю, о чем говорю, ведь мой сын так и не вернулся”.

Перемены к лучшему в повседневной жизни, например, окончательное прояснение участи пропавших близких или удовлетворение основных потребностей (в крове, еде, чистой питьевой воде, медицинской помощи) могут содействовать улучшению эмоционального и психологического состояния людей.

Абу Хани, уличный торговец из старой части сирийского города Хомс, и без того жил в постоянной тревоге, каждый день с трудом пытаясь раздобыть еду в осажденном городе, когда сбывлись его самые страшные опасения: в их дом попала ракета, убив его жену и самого младшего ребенка.

Взрывом Абу Хани сломало ногу, и теперь он не может работать. Вдобавок ко всем ужасам того дня, к боли от потери жены и ребенка, ему приходится в одиночку забо-

титься о трех дочерях. “Я не работаю, так что мы зависим от благотворительных организаций”, — говорит он.

Из-за всего этого Абу Хани испытывает колоссальное психологическое напряжение. Однако, когда его дочери смогли наконец вернуться в школу, у него вновь появилась надежда. Зачастую решить проблему таким образом можно лишь после окончания боевых действий, когда люди вновь чувствуют себя в безопасности и могут всерьез заняться восстановлением нормальной жизни.

“Мои дочери до сих пор просыпаются по ночам. Им страшно, они хотят к маме. Они скучают по ней, мы все по ней скучаем. Но я счастлив, когда вижу, как они взрослеют, ходят в школу, как их жизнь налаживается. Они посещают драмкружок. Пару дней назад был спектакль, в котором они играли. Их жизнь меняется к лучшему”.

* Имена изменены.

“Мать погибшего ребенка поначалу не может спать ночами, но рано или поздно сон к ней вернется. Мне ли не знать, я сама потеряла двоих детей. Но мать, чей ребенок пропал без вести, не уснет уже никогда. Я знаю, о чем говорю, ведь мой сын так и не вернулся.”

— Мэгги Андриотти держит фотографию своего пропавшего без вести сына

“Я НЕ МОГУ И НИКОГДА НЕ СМОГУ ЗАБЫТЬ, НО ПОПЫТАЮСЬ ПРОСТИТЬ”

Из гражданской войны в Ливане, в ходе которой значительная часть боевых действий велась в городах, можно извлечь много уроков относительно последствий конфликта для густонаселенных городских районов с очень пестрым по своему составу населением. Главный вывод: необходимо восстановить не только дома, но и очень многое другое, чтобы местная жизнь вернулась в прежнее русло.

“Война приводит к изменениям в обществе, и за то чтобы развиваться и двигаться вперед страны должны заплатить высокую цену: города разрушены, общество расколото, экономика в руинах, каждое действие, совершаемое во время войны, дается с невероятным трудом... Сразу после войны тоже нет места оптимизму: время платить по этому большому счету. Крайне важно учитывать опыт прошлого, например ливанских событий, применительно к конфликтам в Сирии, Ираке или Йемене”.

— Из интервью с профессором Фаввазом Трабулси, ливанским историком, бывшим политическим деятелем, автором множества книг о культуре, политической жизни и истории арабского мира, включая “Историю современного Ливана”

После окончания конфликта можно заново отстроить отдельные здания и целые кварталы, однако есть вероятность, что полностью восстановить социальную ткань города, его коллективную память, систему взаимоотношений, на которых строилась вся его жизнь, не удастся никогда: многие жители могли бежать или погибнуть, а отношения между различными группами населения могли измениться.

Гражданская война в Ливане, продлившаяся 15 лет и завершившаяся подписанием мирного соглашения в 1989 г., нанесла огромный ущерб городам, в частности Бейруту. Кроме того, война разобщила пестрое по составу население страны, причем последствия этого раскола проявляются до сих пор. Чему могут научить нас события в Ливане с точки зрения облегчения страданий населения в постконфликтный период и восстановления добрососедских отношений в расколотых войной городах?

Специалисты, изучавшие послевоенный Ливан, утверждают: для преодоления образовавшихся в войну разрывов необходимо вновь сплотить общество и восстановить нормальную жизнь местных сообществ; действовать следует оперативно, несмотря на то, что этим усилиям, скорее всего, будут мешать новые или неразрешенные трения, недоверие, а также долгосрочные болезненные последствия войны.

По мнению экспертов, такие шаги должны убедить бежавших, что они могут спокойно вернуться и им будут рады, независимо от их политических убеждений, классовой принадлежности и религиозных взглядов. Ключевые общественные институты, например образовательные учреждения, могут способствовать единению общества; разумеется, они же могут содействовать укоренению розни. Кроме того, крайне важно привлечь к усилиям представителей гражданского общества и местной общности. Реинтеграцией участников боевых действий в общество необходимо заняться уже на ранних этапах.

ОПЫТ ЛИВАНА

Из-за своей продолжительности и интенсивности гражданская война в Ливане нанесла сильнейший удар по экономике страны. Серьезный урон был причинен инфраструктуре, сельскохозяйственному производству и промышленной базе государства³², а отъезд сотен тысяч образованных и квалифицированных ливанцев ослабил ряд важнейших сфер деятельности³³.

Оценки числа перемещенных, раненых и погибших лиц³⁴ сильно расходятся, но колоссальные демографические, общественные и психологические последствия конфликта, которые ощущаются до сих пор, сомнений не вызывают. Война затронула и города, и сельскую местность, но одним из основных театров военных действий был

Бейрут. Милитаризация общества, появление множества военизированных группировок и воюющих сторон, действующих по соседству с представителями гражданского населения, особенно в городах, — все это очень напоминает сегодняшнюю картину боевых действий в городах Ближнего Востока.

Даже сегодня, спустя более четверти века после окончания боев, совершенные всеми сторонами нарушения, гибель и исчезновение людей, ущерб, причиненный городской инфраструктуре, упадок всеобщего образования, отсутствие конкретных шагов, направленных на примирение глубоко разобщенного общества, продолжают тревожить Ливан.

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ПРОТИВНИКА И УКОРЕНЕНИЕ РАЗДОРОВ

События в Ливане и современные конфликты объединяет простота, с которой различным сторонам удавалось и удается дегуманизировать противников по идеологическим, политическим, этническим или религиозным основаниям. Особенно ярко это проявляется в городах, где население, как правило, менее однородно по составу, чем в сельской местности, а представители различных групп зачастую живут по соседству и плотно общаются друг с другом.

“В ходе ливанской войны стороны использовали риторику, характеризующую противников как представителей чуждой группы или конфессии, — объясняет Фавваз Трабулси. — На людей стали навешивать ярлыки: “палестинцы”, “сунниты”, “шииты”, “друзы”. Отдельный человек делался представителем целой группы, а группу, в свою очередь, можно было свести к одному конкретному человеку. Одна группа захватывала представителей другой и затем страдала от ответных похищений, совершались убийства. Главными целями терактов с помощью заминированных автомобилей были мирные жители, а не военные объекты. Все это подрывало боевой дух противников, но не давало никакого ощутимого военного преимущества”.

На протяжении всей войны в Ливане вынужденное перемещение населения было тесно связано с межобщинными столкновениями, а различные группировки стремились установить контроль над

определенными территориями, где затем позволяли жить лишь представителям определенной общины или конфессии. Между районами возводились ограждения, строились блокпосты, за проход на территорию взималась плата: разделение Бейрута на восточную и западную части — наглядный пример. Подобное территориальное деление сохранилось и после войны.

Схожие тенденции наблюдаются сегодня в других странах. Так, в Йемене похожие процессы перемещения населения подогревают распри между племенными группами, а также между жителями северных и южных регионов страны. По словам Фавваза Трабулси, до войны в расположенном на юге Адене жило много северян. С началом вооруженных столкновений на них начались нападения: это была попытка выжить их из города. Многие вернулись на север, остальные бежали за границу.

Конфликт в Йемене положил конец сосуществованию разных групп, некогда проживавших по соседству. Из-за перемещений населения изменился облик городов. Многие горожане устремились в сельские районы, где все еще можно раздобыть продовольствие, занимаясь земледелием или как-то еще. Растущая угроза голода, невозможность беспрепятственного ввоза товаров, осада городов — все эти факторы способствуют исходу городского населения. И наоборот, многие йеменцы покинули свои деревни, спасаясь от насилия, и нашли убежище в городах. См. раздел, посвященный перемещенным лицам, с. 46.

В. Hubschmid / CBC

Ливанский опыт наглядно демонстрирует, что процесс восстановления идет гораздо сложнее, если не заняться решением проблемы территориального разделения сразу же после окончания войны. По словам писательницы Элизабет Пикард³⁵, ведущего специалиста по Ближнему Востоку, после заключения мира положение таких закрытых кварталов лишь упрочилось, поскольку политическое руководство смирилось с тем, что они будут восстанавливаться по отдельности.

“Это процесс, от которого страна так до конца и не оправилась, — считает Элизабет Пикард. — Целью номер один было положить конец боевым действиям, смирившись с тем, что каждая из сторон будет жить на своей микротерритории. Вместо того чтобы решить проблему, ее просто “заморозили”.

Людей подталкивали к тому, чтобы остаться в кругу политических единомышленников и единоверцев, вместо того чтобы попытаться воссоздать в городских районах многообразие довоенных лет. “С самого начала делались попытки противостоять этой тенденции, в частности со стороны молодых активистов, которые хотели учесть опыт гражданской войны и двигаться дальше, — продолжает Элизабет

Пикард. — Однако местные и зарубежные политики не откликнулись на их призыв, и вскоре возможность была упущена”.

Перенесенные во время войны тяжелые потрясения и отсутствие стимулов на политическом уровне объясняют, почему после войны многие жители не захотели возвращаться в свои города. “Есть места, куда люди не вернутся никогда, — утверждает Жорж Кеттанех, генеральный секретарь Ливанского Красного Креста, который во время войны был членом бригады быстрого реагирования. — Дело не в том, сколько прошло времени или сменилось поколений, просто люди решили начать жизнь заново в других местах”.

Политики и международное сообщество в целом должны извлечь урок из этой неудачной попытки вновь выстроить доверительные отношения: это пойдет на пользу будущим инициативам по примирению. Это также может помочь создать условия для возвращения людей в родные места, если они того пожелают, независимо от того, каких политических взглядов или религиозных убеждений они придерживаются.

“Для восстановления города недостаточно отстроить дома и инфраструктуру”, — утверждает Элизабет Пикард. По ее мнению,

в процессе восстановления можно прямо руководствоваться стремлением содействовать возобновлению общественной жизни: “Городское планирование играет важнейшую роль в воссоздании социальной структуры города. В Ливане после войны никто этим всерьез не занимался. Во многих случаях права на собственность отражали интересы обеспеченных слоев населения, а восстановительные работы проводились таким образом, чтобы сохранить однородность населения в районе, оставляя общины разделенными, но защищенными”.

Для других городов, где сейчас ведутся боевые действия, это не абстрактный вопрос: многообразие населения, бывшее когда-то сильной стороной города, может быстро превратиться в его слабое место. Так, иракский город Мосул славился тем, что в нем жили люди самых разных национальностей и верований; кроме того, в городе располагался второй по величине университет страны.

С 2003 г. ситуация сильно изменилась, и многие из тех, кто был частью этой яркой мозаики, покинули город. На фоне общей

нестабильности в стране осложнились отношения между различными этническими группами: непрекращающееся насилие в различных регионах страны и то, как ведутся боевые действия, — все это несомненно сказалось на сплоченности общества.

По словам Дани Мерхи, координатора оперативной деятельности МККК в Эрбиле (Ирак), в некоторых городах растет уровень разделения по этническому или профессиональному признаку. По его мнению, методы, используемые при проведении военных операций в Мосуле, и те усилия, которые будут приниматься после окончания боев, могут оказаться ключевыми факторами, которые сделают возможным мирное сосуществование в будущем.

В ряде ближневосточных городов конфликты и хроническая нестабильность в плане безопасности способствовали появлению многочисленных вооруженных группировок, которые враждуют между собой, но объединились для борьбы против общего врага. Это заставляет задуматься о том, что произойдет после окончания более крупного конфликта.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕСТНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Какие бы пути решения проблем ни разрабатывались, крайне важно прислушаться к мнению местных групп, которые уже прилагают усилия для стабилизации обстановки на местном уровне, и вести с ними диалог. Местные инициативы и движения часто призваны заполнить вакуум, образовавшийся из-за отсутствия действующих государственных структур. В городах такие группы лучше других понимают потребности жителей и целых районов.

Во время гражданской войны в Ливане представители гражданского общества вышли на улицы Бейрута с требованиями мира и политического разрешения конфликта. Менее заметное, но крайне важное с точки зрения общественного развития событие произошло и в Сирии — появились местные городские советы

(тансикият), выполняющие более стратегическую роль в общественной жизни: они обеспечивают работу коммунальных служб и помогают пострадавшим от конфликта сообществам.

Тансикият очень быстро реагируют на изменение обстановки и присутствуют как на территориях, контролируемых оппозицией, так и в подконтрольных правительству районах страны, содействуя восстановлению и оказанию помощи местным жителям. “Эти крайне деятельные структуры и другие группы представителей простого населения имеют огромное значение для будущего таких городов. Следует консультироваться с ними и привлекать к их процессу восстановления, — уверена Элизабет Пикард. — Если все время просто навязывать инициативы сверху, то ничего не получится”.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ, ОТКРЫТЫХ ДЛЯ ВСЕХ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Недавние войны в регионе крайне негативно сказались на системах образования. Прежде всего, нападения на учебные заведения — целенаправленные или неизбежного характера — нанесли громадный ущерб, унесли множество жизней и истощили ресурсы. В то же время, нестабильная в плане безопасности обстановка и насилие повлекли за собой и другие последствия: нерегулярную посещаемость, вынужденное перемещение учащихся и преподавателей, падение доходов (как следствие, родители вынуждены забирать детей из школ).

Важнейшей задачей является восстановление возможностей для получения образования, в том числе во время конфликта. Пострадавшее население часто называет образование одной из своих первоочередных потребностей наряду с продовольствием, обеспечением безопасности и медицинской помощью. Гражданская война в Ливане привела к оттоку из страны квалифицированных специалистов: значительная часть образованной элиты эмигрировала, причем с окончанием войны процесс не прекратился³⁶. Схожая проблема наблюдается в Ираке не одно десятилетие, а не так давно с ней столкнулись Сирия и Йемен.

Сильнейшим образом от войны в Сирии пострадала система образования страны. Это еще одно тяжелейшее последствие конфликта для молодых сирийцев и одна из причин массового исхода молодежи из страны. До войны 99% средств на нужды системы образования выделялись из государственного бюджета. «Сегодня в стране подрастает целое поколение необразованных или плохо образованных детей, — говорит Элизабет Пикард. — Для молодых сирийцев и будущего всей Сирии это важнейший вопрос, который требует немедленного решения».

Помимо того, что от учебных заведений во многом зависит будущее страны, они также играют важнейшую роль в объединении разных слоев общества. Когда-то в Ливанском университете вместе учились представители разных религий и религиозных конфессий, выходцы из разных регионов. «Война все поменяла, — сокрушается Фавваз Трабулси. — Университет распался, школы и ВУЗы перешли в частные руки. Это только обострило разногласия вместо того, чтобы их уладить. В послевоенный период системы образования должны способствовать межкультурному обмену и диалогу культур». Двигаться вперед, оставив раздоры в прошлом, — для городов, в которых представители разных культур и религий традиционно жили бок о бок, это особенно важно.

Что происходит с участниками боевых действий после окончания боев? Руководство страны также должно найти ответ на еще один очень важный вопрос: что требуется сделать, чтобы участники вооруженных столкновений вновь стали полноценными членами общества? Так, многие примкнули к вооруженным группам, чтобы защитить родных и соседей. Кто-то был очень молод и рос в обстановке насилия. После гражданской войны в Ливане многие ее участники влились в ряды вооруженных сил государства, причем программы по их реабилитации и реинтеграции носили очень ограниченный характер.

“ПОЧЕМУ БЫ МНЕ БЫЛО НЕ ВЗЯТЬ В РУКИ ОРУЖИЕ, ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ И СВОИХ РОДНЫХ?”

От первого лица

Ибрагим*, участник гражданской войны в Ливане

“Мне было 22 года, я был абсолютно здоров. Почему бы мне было не взять в руки оружие, чтобы защитить себя и своих родных? Мы жили под Бейрутом. Ни с того ни с сего опасности стали грозить отовсюду. Куда бы ты ни шел, невозможно было отделаться от мысли, что идешь навстречу своей смерти. Поход за хлебом казался равносильным самоубийству. О том, чтобы ходить на учебу, и речи быть не могло. В такое время все меняется, все замирает. Все, кроме смерти и горя, — они хозяйничают всюду.

Нас, конечно, предупреждали, что война — сущий ад. Но потом ты видишь, как погибают товарищи, узнаешь, что кто-то из друзей пропал без вести. Как к такому подготовиться? Да никак. Наверное, в кое-какие места лучше было не соваться, тогда бы я не увидел того, что увидел”.

“Мы не звери, мы — люди, и наши противники тоже”

“До войны никто и представить не мог, что придется сражаться с какой-то другой группировкой. С началом войны началась и подготовка. Чем выше звание, тем серьезней тебя готовят, ведь ты отдаешь приказы другим. Я тоже прошел обучение. Узнал, на какие объекты нападать можно, а на какие нет. Школы, машины скорой помощи, больницы атаковать, конечно, нельзя, и мы говорили рядовым бойцам ни в коем случае их не трогать. Сами понимаете, на войне за каждым офицером не уследишь, но можно постараться. Приходилось напоминать бойцам, что мы не звери, мы — люди, и наши противники тоже.

Мне стало легче жить, когда я решил все простить. Однажды я проснулся и подумал: “Я хочу простить всех, кто в меня стрелял. Я не могу и никогда не смогу забыть, но попытаюсь их простить. Может быть, тогда мне удастся пробить эту стену, которой я себя от них отгородил”.

* Имя изменено.

- 1 С мая 2015 г. по июль 2016 г.
- 2 В период с 2010 по 2015 г. доля погибших в ходе конфликтов в Сирии, Ираке и Йемене составила 47% от общего количества смертей, связанных с конфликтами (по данным на конец 2014 г. без учета 2015 г.). Цифры взяты из доклада Секретариата Женевской декларации Global Burden of Armed Violence 2015: Everybody Counts. Cambridge: Cambridge University Press.
- 3 Action on Armed Violence (AOAV) Report, 22 June 2015: Explosive States: Explosive Violence in Populated Areas in 2014: <https://aoav.org.uk/2015/explosive-states-explosive-violence-populated-areas-2014/>.
- 4 UNHCR, *Global Trends Report*, 2016: <http://www.unhcr.org/news/latest/2016/6/5763b65a4/global-forced-displacement-hits-record-high.html>, дата обращения ко всем сайтам в интернете: апрель 2017 г.
- 5 По данным и оценкам Центра наблюдения за процессами внутреннего перемещения (ЦНПВП) (<http://www.internal-displacement.org/database>), УВКБ (<http://www.refworld.org>) и БАПОР (Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам, <https://www.unrwa.org/>) на начало апреля 2017 г., около 17,4 миллиона иракцев, сирийцев и йеменцев в настоящее время оказались в положении перемещенных лиц внутри своих стран или беженцев за их пределами.
- 6 УВКБ: http://data.unhcr.org/syrianrefugees/regional.php#_ga=1.255086920.1950945305.1484762757.
- 7 В Йемене 2,2 миллиона лиц, перемещенных внутри страны (предварительные данные ЦНПВП за 2016 г.), а его население оценивается в 27,5 миллиона человек (<http://data.un.org/CountryProfile.aspx?crName=yemen>).
- 8 В Ираке 3,3 миллиона лиц, перемещенных внутри страны (предварительные данные ЦНПВП за 2016 г.), а его население оценивается в 37,5 миллиона человек (<http://data.un.org/CountryProfile.aspx?crName=iraq>).
- 9 Joanne Liu and Peter Maurer. "The airstrike on an Aleppo hospital is a wake-up call for the UN. It must act now", *The Guardian*: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/apr/29/aleppo-hospital-airstrike-un-syria>.
- 10 Данные о числе погибших по состоянию на 1 апреля 2017 г.
- 11 Согласно Руководящим принципам УКГВ ООН по вопросу о перемещении лиц внутри страны, в том числе разделу V "Принципы, касающиеся возвращения, расселения и реинтеграции", в частности, принципам 28, 29 и 30: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/internal_displacement_principles.shtml. Так, принцип 28 гласит: "1. Компетентные органы власти несут главную обязанность и ответственность за создание условий, а также за предоставление средств, которые позволяют перемещенным внутри страны лицам добровольно, в безопасных условиях и с достоинством вернуться в свои дома или места постоянного проживания, либо добровольно переселиться в какую-либо другую часть страны. Такие органы власти прилагают усилия для облегчения реинтеграции вернувшихся или переселившихся перемещенных внутри страны лиц. 2. Особые усилия прилагаются для обеспечения всестороннего участия перемещенных внутри страны лиц в планировании и осуществлении их возвращения или переселения и реинтеграции".
- 12 Около 467 000 согласно последней официальной переписи населения 2004 г. (<https://www.citypopulation.de/Yemen.html>). По некоторым оценкам, к началу вооруженных столкновений эта цифра могла вырасти более чем втрое.
- 13 Цифры совместной Целевой группы по движению населения МОМ-УВКБ за январь 2017 г. указывают на то, что численность людей, бежавших из мест постоянного проживания в провинции Таиз (547 000), больше, чем в какой-либо другой провинции. TPFM 12th report, January 2017, p. 12: <https://drive.google.com/file/d/0B6owQSRCTIGYQUl3MHZMN01RdEU/view?usp=sharing>.
- 14 По информации МККК.
- 15 Всемирная организация здравоохранения, 6 ноября 2016 г.: <http://www.emro.who.int/media/news/survey-reveals-extent-of-damage-to-yemens-health-system.html>.
- 16 Несмотря на требования МГП в отношении обращения с останками умерших. См.: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/publication/pcustom.htm> (глава 35).
- 17 Представитель совета провинции Анбар, 31 декабря 2015 г.: <http://www.aljazeera.com/news/2015/12/iraq-80-percent-ramadi-ruins-fighting-151231114030408.html>.
- 18 К 13 марта 2017 г. из более чем полумиллиона человек, бежавших из своих домов во время битвы за город, в округ Рамади вернулось приблизительно 300 500 человек. IOM Iraq Displacement Masterlist: <http://iraqdtm.iom.int/ReturneeML.aspx> и [https://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Ramadi_\(2015%E2%80%932016\)#cite_note-bombs_laid-29](https://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Ramadi_(2015%E2%80%932016)#cite_note-bombs_laid-29).

- 19 IOM Displacement Tracking Matrix. В октябре 2016 г., по оценкам, в целом по стране приблизительно 3,1 миллиона жителей Ирака находились в положении перемещенных лиц: <http://iraqdtm.iom.int/IDPsML.aspx>.
- 20 До начала иракского наступления на западный Мосул 19 февраля 2017 г. население Мосула оценивалось в 1,2—1,5 миллиона человек, а число бежавших из города и пригородов к середине января, после трех месяцев боев, по оценкам, всего лишь 200 000 человек.
- 21 International Organization for Migration (IOM), Iraq Mission Displacement Tracking Matrix: <http://iraqdtm.iom.int/EmergencyTracking.aspx>.
- 22 С 17 октября 2016 г. по 23 марта 2017 г. из города бежало 350 000 человек, хотя по оценкам уже к 23 марта 2017 г. 76 000 человек вернулось: <http://www.internal-displacement.org/assets/IDUs/20170330-idu-issue-13.pdf>.
- 23 Многие города в современной истории подвергались осаде во время войн: от Ленинграда до городов на Балканах (осада Сараево длилась почти четыре года). Однако сегодня мы видим, как разные стороны в конфликтах на Ближнем Востоке все чаще прибегают к этому методу ведения войны. Осада бывает частичной или полной, может длиться месяцы или годы и часто приводит к тяжелейшим последствиям для гражданского населения.
- 24 С учетом предварительных данных за 2016 г. Центра мониторинга внутренних перемещений (<http://www.internal-displacement.org>), а также статистики УВКБ и БАПОР по этим странам, обнародованной 9 апреля 2017 г. Итоговая цифра включает 400 000 палестинских беженцев, которые, по данным БАПОР, также были вынуждены покинуть места своего проживания в связи с конфликтом в Сирии.
- 25 По данным страновой группы ООН в Ираке, ЮНИТАР, мэра Рамади и министерства здравоохранения Ирака.
- 26 Все гражданские объекты находятся под защитой МПП, в особенности те из них, которые необходимы для выживания гражданского населения.
- 27 Подробнее см.: ICRC, *Bled Dry: How War in the Middle East Is Bringing the Region to the Brink of a Water Catastrophe*, March 2015: <https://www.icrc.org/en/document/bled-dry-how-war-middle-east-bringing-region-brink-water-catastrophe>.
- 28 Подробный анализ проблемы см в: ICRC, *Urban Services during Protracted Armed Conflict: A Call for a Better Approach to Assisting Affected People*, October 2015: <https://www.icrc.org/en/document/urban-services-protracted-conflict-report>.
- 29 Подробнее см: <https://www.icrc.org/en/document/explosive-weapons-populated-areas-use-effects>.
- 30 ICRC, *International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts*, 31st International Conference of the Red Cross and Red Crescent, Geneva, Switzerland, 28 November to 1 December 2011, document prepared by the International Committee of the Red Cross, Geneva, October 2011, page 42.
- 31 МККК, “Ирак: МККК решительно осуждает применение химического оружия в районе Мосула”, 3 марта 2017: <https://www.icrc.org/ru/document/irak-mkkk-reshitelno-osuzhdaet-primenenie-himicheskogo-oruzhiya-v-rayone-mosula>.
- 32 Американский университет Бейрута: <http://ddc.aub.edu.lb/projects/pspa/kisirwani.html>.
- 33 При том что такое положение дел вызвано не только последствиями гражданской войны, даже сегодня четверть ливанцев (примерно 1,3 млн из 5,2 млн человек) живут за пределами страны, а половина молодых специалистов, получив образование, уезжает за рубеж.
- 34 К концу войны в Ливане насчитывалось до полумиллиона перемещенных лиц, а от 48 000 до 250 000 человек погибли. За время войны страну покинули от 600 000 до 900 000 человек, однако многие вернулись еще до ее окончания или с наступлением мира. В 2004 г. ливанское министерство по делам перемещенных лиц объявило, что 68 000 человек все еще остаются перемещенными внутри страны, хотя, по оценкам других ведомств, эта цифра могла быть в десять раз выше.
- 35 Доктор Элизабет Пикард занимает пост директора по научно-исследовательской работе в Институте изучения и исследования арабского и мусульманского мира Национального центра научных исследований (Экс-ан-Прованс).
- 36 Institute of Labor Economics, *Decision to Emigrate amongst the Youth in Lebanon*, Discussion Paper Series IZA DP No. 10493: <http://ftp.iza.org/dp10493.pdf>.

Фото, с. 2–3

Дети играют в старой части города Алеппо. Январь 2017 г.

Фото, с. 72–73

Велосипедисты на набережной сегодняшнего Бейрута.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Международный Комитет Красного Креста (МККК) является беспристрастной, нейтральной и независимой организацией, чьи цели и задачи носят исключительно гуманитарный характер и заключаются в том, чтобы защищать жизнь и достоинство людей, пострадавших от вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия, и предоставлять им помощь. Пропагандируя и укрепляя гуманитарное право и универсальные гуманитарные принципы, МККК прилагает все усилия к тому, чтобы предотвратить страдания людей. МККК, основанный в 1863 г., стоит у истоков Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. МККК руководит деятельностью Движения по оказанию международной гуманитарной помощи в ситуациях вооруженных конфликтов и других ситуациях насилия и координирует ее.

 facebook.com/icrc
 twitter.com/MKKK
 vk.com/icrc_rus
 instagram.com/icrc

МККК

Международный Комитет Красного Креста
19, avenue de la Paix
1202 Женева, Швейцария
Т +41 22 734 60 01
www.icrc.org shop.icrc.org
© МККК, май 2017 г.